

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

МИХАИЛ СЕРЁГИН

МИЛИЦЕЙСКАЯ АКАДЕМИЯ

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ МИЛИЦИИ

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Милицейская академия

Михаил Серегин

**Особенности
национальной милиции**

«Научная книга»

Серегин М. Г.

Особенности национальной милиции / М. Г. Серегин —
«Научная книга», — (Милицейская академия)

На какие подвиги только не пойдешь, чтобы поймать преступников! Не ведал, не гадал курсант Зубоскалин, что ему придется превратиться в... женщину и стать предметом вожделения самого начальника милицейской школы! Герою придется справляться с матерыми байкерами, неадекватными бомжами и даже колдуньей...

Содержание

1	5
2	10
3	18
4	24
5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Михаил Серегин

Особенности национальной милиции

1

Курсант Пешкодралов сладко дремал на верхней койке, свесив босую пятку.

Она покачивалась перед носом Зубоскалина, словно маятник, отсчитывающий секунды. Пешкодралову снилась деревня. Запах сена, навоза и сдобная Нюрка с мягкими грудями. Они белые-белые, а сверху загорелый треугольник от платья. Пешкодралов хотел чмокнуть Нюрку в набухший сосок, сложил губы в трубочку, потянулся вперед, но Нюрка отстранилась от него, набрала в легкие воздуха и голосом капитана Мочилова заорала:

– По-о-о-дье-ом!

Зубоскалин, он же Дирол по совместительству, не открывая еще глаз, резко сел в постели и соприкоснулся лбом с голой пяткой своего сокурсника.

Остатки сна моментально слетели с физиономии Дирола. Пешкодралов проморгался и увидел, как чиркнула и зажглась спичка в руках бывшей Нюрки, окончательно превратившейся в страдающего от похмелья Мочилова.

Трепетный свет пламени послужил сигналом, по которому все курсанты Высшей школы милиции горохом ссыпались с коек, стараясь на лету схватить защитного цвета штаны, одновременно целясь попасть в ботинки. Нужно было успеть полностью одеться до того момента, как догорит спичка.

Такой прикол практиковал по утрам капитан Мочиллов исключительно после бурной ночи с ядерной сорокаградусной. Возможно, мысль о том, что кому-то хуже, чем ему, помогала капитану выйти из похмельного состояния.

Может быть, в нем умер садист, воскресавший только во время обезвоживания организма. В любом случае от молниеносных движений курсантов в голове у него не кружилось, а в желудке не мутило, отчего утренние издевательства с завидной регулярностью повторялись снова и снова.

Пламя готово было лизнуть неаппетитный, потрескавшийся палец Мочилова, когда четкий строй заспанных третьекурсников вырос перед ним. Лишь Федор Ганга, привыкший к размерности и основательности, выказывал чудеса физических возможностей своего огромного тела, прыгая на одной ноге ко главе шеренги и одновременно завязывая шнурок.

Мочиллов довольно сощурил заплывшие глаза и добродушно, словно мать родная, произнес:

– На физподготовку а-арш.

Строй развернулся к двери и забухал парой десятков ног по давно вытершемуся паркету.

Во дворе ребят ждал тренер Садюкин. По непонятной причине именно сегодня в крепкое тело спортсмена закралась хворь, которая выражалась в повышенной температуре и заложенном носе. Потому в это утро Садюкин говорил исключительно с французским прононсом и запахов не различал.

Тренер дал команду заливи́стым свистком, и будущие стражи порядка выбежали за ворота школы нарезать круги. Солнце, сонно пробиваясь сквозь горизонт, с любопытством поглядывало на дворников, взъерошенных со сна воробьев и тяжело топающих курсантов милиции. Оно не прочь было посмотреть и еще на кого-нибудь, но в пять часов утра сложно было найти идиотов, бегающих по улицам города и застегивающих на ходу то, что не успели застегнуть, пока горела спичка.

Пешкодралов попробовал вернуть в памяти заманчивый сон, но тот почему-то не возвращался. Осталось только возбуждающее чувство мягкого в руках и воспоминание о родной деревне.

В Дрыщевке Леха так поздно вставал разве что только зимой. Это городские, нежные, все в постелях валяются. И его, кстати, Пешкодралова, приучили.

А еще на родине у Лехи в это время трава прет из земли, как ненормальная, целыми днями горланит пьяный Егорыч патриотические песни про Щорса и Гайдара. Не то чтобы круглый год Егорыч для всей деревни магнитофоном с колонками работал, а вот именно по эту пору. Потому как лошадь у него есть. А кому охота под лопату сажать? Вот и тянется к нему народ с магарычами о майскую пору, как грачи, почуявшие приход тепла.

И примета такая в Дрыщевке появилась: запел Егорыч – картошку сажать пора.

– Пешкодралов, – прервал Лехины размышления Зубоскалин.

Весь кайф мечтаний обломился, и перед глазами встали серые будни действительности, а также черная спина Федора Ганги. – Вот бегу я эти пять километров и удивляюсь: как ты мог двести пешком пройти?

– Тяга у меня была, – серьезно ответил Леха.

– Это какая тяга? – встрял в разговор один из Утконесовых, пристраиваясь к правому боку Пешкодралова. Слева вырисовался второй брат, до того точная копия первого, что понятно было: у матери Утконесовых фантазии никакой не было. Не могла хоть родинкой паршивой их различить.

– Учиться хотел. На милиционера. У нас в деревне милиционеров знаешь как уважают?

– А у нас в городе знаешь как их называют? – задыхаясь от бега, спросил Кулапудов Венька, в прошлом злостный хулиган и нехороший человек, сейчас же один из несчастных курсантов, истязаемых Садюкиным.

На третьем круге утреннего променада он успел пять раз пожалеть о том, что исправился и в доказательство пошел в школу милиции.

– Не знаю и знать не хочу.

– Жаль. А я бы мог тебе перечислить, – вздохнул Кулапудов, у которого в словарном запасе из недалекого прошлого осталось немало эпитетов, относящихся к его будущей профессии.

Пробежав мимо фасада школы, на котором большими красными буквами был написан лозунг, придуманный лично полковником Подтяжкиным: «Выметем мусор с улиц родного города», – курсанты в очередной раз призадумались: о ком это? Не найдя ответа на поставленный себе же вопрос, они завернули за угол, где красовались два бачка с надписями:

«Для мусора». По всей видимости, выметать следовало именно сюда.

За углом оказались не только бачки, но и... труп. Курсанты озадаченно остановились. Мужчина средних лет в сером костюме при галстукке и в одном ботинке лежал, распластавшись, посреди беговой дорожки, мешая запланированному тренером Садюкиным утреннему моциону. Он лежал лицом вниз, отчего возраст трупа определялся лишь приблизительно. Лет так сорок с хвостиком. Еще не высохшая красная лужица говорила о том, что мужчина убит совсем недавно.

– Поза неестественная, скорее всего его сюда подбросили, – многозначительно сказал Кулапудов и подошел ближе. – На теле следы побоев. Сопrotивлялся.

– Да-а, – только и смог сказать Пешкодралов.

Федор Ганга покопался в карманах и выудил оттуда кусок мела. Со знанием дела он подошел к трупу с твердым намерением обрисовать позу убитого.

Склонился. Труп приподнял голову и мутными глазами посмотрел на Федора.

– Вот уже и черти мерещатся, – со спокойной обреченностью сказал покойник, дохнув на курсанта крепким, специфическим запахом, и бессильно уронил голову на прежнее место.

Сзади подошел Зубоскалин и положил руку на плечо Федора.

– Че ты ерундой страдаешь? Нарисуй лучше тетку на асфальте или, на худой конец, палку колбасы. У тебя только белый мелок? Жаль, в цвете получилось бы приятнее.

– У него же кровь, – попытался заглядить свой промах Ганга.

Дирол принялся и улыбнулся одной из своих широченных улыбок, за которую и получил прозвище. Эх, Голливуд по нему плачет!

– Ага, томатная.

– Черт!

А как Федору хотелось помочь в нелегком деле доблестной милиции!

Впору самому довести труп до готового состояния.

– Ну и что? Оставлять его здесь?

– А ты хотел приватизировать? – Зубоскалин любовно взглянул на мертвецки пьяного гражданина. – Хотя ты прав, такой экземпляр упускать нельзя. Родина нам этого не простит. Пешкодралов, мы должны помогать Родине?

– Да вроде, – не понимая, к чему это клонит Дирол, туповато ответил Леха.

– Вот-вот. Ты у нас ходок отменный, будешь гонцом.

Тренер Садюкин нервно прохаживался по плацу, недружелюбно поглядывая на секундомер, словно тот был виновен в пропаже курсантов. Стрелка сделала вот уже два лишних круга, а они все не показывались из-за поворота. Садюкин чувствовал, как у него от напряжения вырабатывается вредный адреналин и коварно разливается по телу, заражая собою здоровые, вышколенные спортом и правильным питанием органы. Это нервировало Садюкина еще больше. Казалось, от волнения и болезнь усилилась. Он уже представлял себе, какими пытками под названием упражнения он оторвется на курсантах, как вдруг один из них появился на горизонте, выказывая чудеса скорости. От такого приятного зрелища тренер прослезился.

– Тру-уп! – взревел Пешкодралов, еще на подходе к плацу.

Глаза его довольно натурально были вытаращены, словно Леха и вправду только что увидел тело не вполне живое.

Начинавшее повышаться настроение напрочь испортилось, давая простор разбушевавшемуся не на шутку адреналину.

– Около школы труп!

Такое событие на преподавательской памяти Садюкина случилось впервые.

За двадцать пять лет службы. И Садюкин растерялся.

– Какой труп?

– Мертвый.

«Резонно», – заметил про себя тренер и попытался собраться.

Получилось не очень, но во всяком случае с помощью этих усилий ему удалось сообразить, что начальству докладывать пока рано, вдруг курсанты что-нибудь перепутали. Нужно лично пойти и посмотреть, кто это там в неполенном месте валяется, нисколько не согласуясь с уставом школы.

В нем ничего не говорится о посторонних предметах у стен заведения.

Приказав Пешкодралову указывать путь, Садюкин двинулся к тому злополучному углу, где произошла трагедия. При виде открывшейся картины тренер почувствовал, как у него обострился гастрит. Яркое солнце заливало тротуар, по совместительству служащий курсантам беговой дорожкой, и их самих, курсантов, копошащихся возле распростертого тела мужского пола. Ганга заканчивал эскиз контура умершего. Зубоскалин проверял пульс. Утконосы брали кровь, растекшуюся лужицей, на экспертизу.

– Соли маловато, – заметил Антон Утконесов, слизывая с пальца красную каплю.

Садюкин почувствовал, как тошнота подкатила к горлу и застряла там.

Тело не подавало признаков жизни.

– Сбила машина. Прямо на наших глазах, – доложил Кулапудов, производя замер следов от шин неизвестного автомобиля, проехавшего по асфальту, возможно, еще вчера. За неимением необходимых средств замер производился на глазок, пятерней.

Тренер, человек, храбро сражающийся с целлюлитом и циррозом печени, в данном случае никак не мог найти в недрах своей души самообладания, отчего вся его фигура уверенности в сердца посторонних не вселяла.

Самое обидное было то, что Садюкин хоть и состоял в рядах внутренних вооруженных сил, но в силу своей специальности в тонкостях сыскного дела не разбирался. Как действовать дальше, он не знал.

Единственное, что приходило в голову, это совершенно ненужная в данном случае бессмертная фраза: «А теперь Горбатый».

Серьезный Зубоскалин, мнувший запястье у трупа в поисках недостающего пульса, завидев Садюкина, произнес:

– Фрол Петрович, я номер машины записал. Может пригодиться.

Не отрываясь от своего занятия, курсант протянул маленький блокнотик тренеру. Садюкин взял его, и рука предательски дрогнула. До боли знакомые цифры запрыгали перед глазами. Краска отхлынула от лица, отчего Фрол Петрович сильно стал смахивать на пострадавшего.

– А... а к-какая это машина была? – заикнувшись, спросил тренер.

– «Ауди», – ответил Зубоскалин, – бежевая.

Садюкин ясно ощутил, что мир рушится. Блокнот, как при замедленной съемке, выпал из рук. Он прошелестел листами от дуновения ветра, открывшись на рисунке пышнотелой дамы, словно подавая знак Фролу Петровичу.

Наталья! Она еще молода, а потому непростительно легкомысленна. Говорил же он ей: рано пока одной по городу ездить, только права купили.

А ведь еще и водить научиться не мешало бы.

Садюкин машинально провел ладонью по лысине. Перед глазами пронеслась вся жизнь, родные, близкие. Что же теперь делать? И дернул его черт жениться в шестой раз.

– Есть! – прервал его размышления Дирол. – Пульс нитевидный.

Надежда прожекторным лучом вспыхнула в сознании. Еще можно все исправить!

Только бы не умер. Только бы привести его в чувство.

– Так чего же мы ждем? Нужно делать искусственное дыхание!

Растолкав в стороны курсантов, Садюкин принялся за операцию по спасению пострадавшего самолично. Мускулистые, накачанные руки решительно перевернули безвольное тело и нажали на грудную клетку, впечатав нательный крестик в кожу. Фрол Петрович еще со школы помнил: два толчка руками, затем глубокий вдох. Лучше всего рот в нос, но это неприятно. Поэтому Садюкин решил ограничиться искусственным дыханием рот в рот.

Впечатав свои губы в посиневшие уста мужчины, Садюкин почувствовал ответную реакцию со стороны бывшего трупа. Он пошевелился и, не открывая глаз, нежно приобнял тренера.

– Люба, не сейчас, – заплетающимся языком сказал тот, разлепляя заплывшие веки.

Краска вернулась к лицу Садюкина. Полыхая как светофор, тренер смахнул с плеча руку, со стуком упавшую на асфальт, поднялся на ноги и, скрипнув зубами, недобро посмотрел на притихших курсантов.

– Вам это удалось. Вы его оживили! – попытался что-то сказать Зубоскалин, но по выражению лица понял, что старается вхолостую.

Он украдкой посмотрел на наручные часы, мысленно подгоняя время. Ну, давай! Где же ты? Есть!

Никогда еще учащиеся третьего курса Высшей школы милиции не ждали с таким нетерпением звонка, возвещающего о наступлении завтрака. Столовая ожидала их и преподавателя

физкультуры, зазывая в свои двери душераздирающим звуком, который теперь звучал в ушах Зубоскалина мелодичнее соловьиных трелей.

Не то чтобы Садюкин был так добр и не мог себе позволить лишить курсантов завтрака, назначив в качестве наказания дополнительные занятия. Нет.

Просто маниакальная страсть Фрола Петровича к здоровому образу жизни не позволяла ему нарушить режим дня и задержать хотя бы на несколько минут прием пищи. Скрипнув зубами вторично, Садюкин пообещал отложить назревший разговор, но не забыть о нем и рванул в столовую быстрее курсантов.

* * *

Улица моментально опустела. Ранний час. Еще не повысыпали спешащие на работу добропорядочные граждане, уже уснули граждане (и гражданки) недобрые и непорядочные. Рассвет в пустынном городе, не обремененном пока ежедневной суетой, казался идиллией. Только бесчувственное тело продолжало притворяться покойником и портить картину, привлекая к себе пристальное внимание мух. И не только их.

Лишь только курсанты и Садюкин удалились в столовую, от упорядоченной группы тополей, произраставших по другую сторону дороги, отделилась невысокая фигура. Темно-зеленое спортивное трико и олимпийка, сшитые на фабрике «Красный партизан» в счастливые времена застоя, позволяли фигуре почти полностью сливаться с бледным подобием природы в городском варианте. Именно поэтому никто из участников «разыгравшейся трагедии» не заметил маленького старичка, поблескивавшего стеклами бинокля среди зеленых ветвей. Старичок, предварительно оглядевшись по сторонам, трусцой перебежал дорогу и склонился над телом.

– Угу, – глубокомысленно сделал он заключение и записал что-то в защитного цвета блокнот.

Спрятав блокнот в нагрудный карман, он развернулся на сто восемьдесят градусов и, изображая озабоченного здоровьем пенсионера, потрусил в противоположную от школы милиции сторону.

2

Что может быть лучше столовой в жизни курсанта? А ничего. Увольнительные или самоволки, конечно, это тоже неплохо, но только в том случае, когда в желудке не пусто. А после утренней зарядки с ревностно исполняющим свой долг Садюкиным столовая вообще кажется домом родным.

В это утро дом родной встретил курсантов запахом перловки и какао.

Тетя Клава, стоящая в столовой на раздаче, сегодня была доброй и накладывала порции почти в соответствии с нормой. Над ее головой, а точнее над окошком, словно нимб, полукругом красовалась надпись: «Здоровое питание – основа успешной работы». Судя по тому, какую пищу выдавали из этого окошка, можно сказать: кто-то сильно не хотел, чтобы будущие милиционеры вообще могли работать. Пышная желтая заколка-бант на самой макушке довершала ощущение ореола над головой женщины и смешила каждого подходящего к окошку.

Сдобная тетя Клава, неровно дыша, шлепнула Зубоскалина порцию побольше и изобразила на лице улыбку Джоконды. Как же он похож на ее Агафона в молодости. Те же глаза, те же волосы, те же уши враспырку... И шутить так же любил. Вот так десять лет назад шутя признался в любви, с задором запланировал Миньку, а потом весело уехал. Сказал, что про любовь – это он пошутил. А она, Клавка, души в нем не чаяла. Кстати, почему не чаяла? И сейчас вот же млеет при виде молоденького курсанта, своего-то вспоминая.

– Тетя Клава, побольше перловки, если можно, – вкрадчиво попросил Дирол. Он давно уже заметил слабость женщины по отношению к себе и бесстыдно ею пользовался, выпрашивая у безотказной поварихи лишнюю порцию и порою – неслыханное дело! – дополнительный кусок масла.

– Конечно, голубь. Что ж мне, чужого добра жалко?

Она опустила большой медный половник в стоящий рядом бачок, поводила им по дну, собирая самое вкусное, и вывалила в тарелку Зубоскалина столько мяса, что Ганга, стоящий в очереди вторым, шумно сглотнул.

Дирол просиял улыбкой и вдруг с головой залез в открытое окошко.

– А масло сегодня есть, тетя Клав? – полупшепотом спросил он.

– Найти-т можно, – засмущавшись, ответила повариха.

Она раздобыла откуда-то из своих закровов желтый, промасленный сверток, быстро развернула его и отделила ножом от общего куска солидную часть.

– Спасибо, тетя Клав. Я вам говорил, что вы сегодня особенно выглядите?

– Нет, – покраснев, смутилась тетя Клава.

– Не иначе как забыл. Этот бант...

И на этой многозначительной ноте Зубоскалин удалился за столик. Голодные глаза Ганги с завистью проводили его взглядом, не забыв заглянуть в тарелку товарища. Ганге тоже так хотелось. Чем он хуже какого-то там Дирола? Федор окинул себя взглядом, решил, что не хуже, и просунул голову с плечами заодно, для верности, в окошко.

Текст, что говорил Санек, он приблизительно помнил, а потому решил ограничиться кратким пересказом.

– Тетя Клава, замечательный у вас бантик.

Повариха шлепнула кашу в тарелку, проворчав: «Сама знаю», – и крикнула:

– Следующий.

Федор отвалил от окошка. За столом он сел рядом с Диролом, который со вкусом поедал продукцию тети Клавы.

– Как это у тебя получается?

– Что? – не понял Зубоскалин.

– Ну, – Федор кивнул по направлению к тарелке, – это.

– А-а, – догадался Санек и ложкой зацепил солидную порцию, развивая и без того чрезмерно разросшуюся зависть в сокурнике. – Тут целая политика. – Дирол неопределенно повел бровью. – Спас я ее как-то.

– Хорош заливать, – не поверил Ганга.

– Ну, может быть, и не спас, но на ее глазах произвел задержание.

Дирол многозначительно замолчал, демонстративно увлекшись перловкой. Федор посматривал на него, не зная, верить или нет.

– Что ты смотришь на меня, как монах на святой образ? – не выдержал пристального взгляда Зубоскалин и отодвинул тарелку. – Было как-то. Увольнительная у меня была, и я поздно вечером возвращался в общагу. А тут смотрю, тетя Клава с работы чешет по другой стороне улицы. И прямо навстречу ей тинейджеры обколотые. Много их было, как тараканов. Давай приставать.

– К поварихе, что ли?

Ганга удивленно взглянул в розовощекое недовольное лицо, торчащее из окошка и всеми своими тремя подбородками опирающееся на пухлые, короткие ручки. Желтый бантик, затерявшийся среди нагромождения, изображающего прическу, придавал образу поварихи особенную неповторимость.

Либо тинейджеры сильно обколоты были, либо Дирол ездит по Федоровым ушам, не нажимая на тормоза. Зубоскалин тоже бросил взгляд на тетю Клаву и понял, что загнул.

– Сумки они у нее отнять хотели. С продуктами.

– А-а, – понимающе протянул Ганга и в который раз сглотнул слюну. – И ты их задержал?

– А то! Я же в форме был.

Последняя фраза внушила Федору доверие. В почти магическое воздействие формы на окружающих он верил еще со времен школы. Тогда, в пятом классе, он неправильно перешел улицу, на красный, и невесть откуда появившийся милиционер больно оттрепал его за ухо. С тех пор, завидев человека в форме, Ганга замечал непонятный трепет в сердце и чувствовал, как его коричневые уши наливались красной краской, отчего цвет получался совершенно невообразимый.

– Мне бы так.

Зубоскалин посмотрел на однокашника и проявил сочувствие:

– Организуем. Сегодня же и организуем.

* * *

Криминалистику вел сам капитан Мочиллов. Этот человек был из той редкой нынче породы, представители которой по праву считаются раритетом. Где еще можно встретить нынче такого человека, который совершенно, до абсолютного нуля, не понимает юмора? В то время как все продвинутые и не очень члены современного общества единогласно сошлись во мнении, что юмор строить и жить помогает, капитан Мочиллов упорно отказывался признавать справедливость этого. Строить (курсантов) ему помогало свирепое лицо и зычный голос, а вот что помогало ему жить, не знал никто. Поистине темной личностью был капитан Мочиллов.

Помимо занятий по криминалистике, в обязанности Мочилова входило курирование третьего курса. То есть капитан являлся как бы их классной дамой. Или классным меном, это кому как больше нравится.

Его патологические старания подходить ко всем делам серьезно привели к возмутительнейшему факту: курс, в котором учились наши герои, стал лучшим во всей школе милиции. Сей вопиющий факт раздражал некоторых курсантов. Особенно претило ходить в любимчи-

ках Зубоскалину и близнецам Утконесовым. Вероятнее всего, именно оттого они изо всех сил старались нарушать дисциплину мелким хулиганством и плоскими шуточками.

Сегодня в аудиторию Мочиллов вошел в прекраснейшем расположении духа. Он улыбался почище самого Дирола, сияя стройным рядом изъеденных кариесом зубов. За ним следом торжественно шествовали полковник Подтяжкин и еще какой-то незнакомый лейтенант. В последнем радостной эйфории не чувствовалось.

– Курсанты! – с пафосом сказал Мочиллов. – Мне радостно сообщить, что нашему курсу предоставляется большая честь и, если хотите, доверие, которое мы обязаны оправдать, мы просто не имеем права его не оправдать...

– Запутается, – тихонько шепнул Антон Утконесов соседу по парте, а также собственному брату в одном лице.

– Нет, выкрутится. – ...то, что вы являетесь лучшим курсом во всей Высшей школе милиции, делает вам честь, но плюс к тому прибавляет некоторую ответственность...

– Ставлю бутылку пива, что запутается.

– Две, что скажет.

– Мочила скажет, он речь дня два теперь учил, – вставил свое слово сидящий сзади Кулапудов. – Две бутылки против твоей одной.

Ставки потихоньку возрастали. К спорящим присоединялись все новые и новые курсанты. Счет шел три к одному: уверенных в том, что капитан Мочиллов не договорит свою речь до конца, потеряв начатую мысль, было в три раза больше. – ...компетентные органы оказали нам честь, оказав высокое доверие, которое мы должны оправдать... – Капитан запнулся, растерянно хлопнув пороссячьими глазками.

Напряжение повисло во всей аудитории такое, что кружащаяся под потолком муха испугалась собственного зудения, показавшегося в тишине громopodobным. Слабые женские силы ее не выдержали, и она упала без чувств Мочиллову за шиворот. Возможно, посторонний предмет, скользящий по позвоночнику, возымел на капитана странное, умоотрезвляющее действие.

Во всяком случае, Мочиллов стал говорить дальше.

– Вам предоставляется возможность найти и обезвредить настоящих преступников! – завершил Мочиллов, торжественно обведя аудиторию взглядом.

Вздых разочарования вылетел из груди третьей части курсантов.

Кислые лица лучшей группы озадачили капитана, но ненадолго.

– Подробнее о задании вам расскажет лейтенант Ворохватов.

Незнакомый лейтенант смущенно одернул форменный пиджак и пробежался глазами по аудитории. Никто не заметил подделки в его фамилии?

Дело в том, что от рождения и до девятнадцати лет лейтенант был Воробатовым, благодаря чему получил в школе множество нелицеприятных для будущего милиционера кличек. Это злило, перерастало в раздражение, а затем в твердую решимость сменить фамилию. Но не так-то просто оказалось это сделать. Дед, Воробатов Мефодий Поликарпович, умирая, выразил свое последнее желание, чтобы род их не прекращался, а фамилия продолжала свое существование и дальше. Что оставалось делать единственному наследнику?

Только жениться на толстой и некрасивой Люське Ворохватовой и мучиться с нею всю жизнь. А от одной лишней буквы, лейтенант решил, фамилия хуже не станет, да и дед не обидится. Мертвый все ж таки.

Ворохватов всегда чувствовал за собою эту подмену в фамилии, оттого часто смущался, а смущаясь, заикался.

– Ту-т-тут такое дело, – начал он, густо покраснев. – Весна. Сами понимаете, эта пора делает людей активнее не только по л-любовной части, – краска залила уши и шею, – но и во всех остальных с-сферах деятельности. Преступность повышается, понимаете, а милицейские кадры и их з-зарплаты остаются на месте. Понимаете, к чему я клоню?

Ребята не понимали, о чем честно промолчали.

– Вы-в-вы уже многое прошли, о многом узнали на с-своих занятиях. Самое время применить знания на деле. А дело очень ответственное – поимка д-дурковедов, понимаете.

Курсанты опять же не понимали и напрасно старались выудить из памяти это странное слово «дурковеды». Особенно грустно было смотреть на Пешкодралова. Его не обремененный особенными знаниями ум в данном случае совершал титанические усилия, вороша весь словарный запас, достойный Элочки Людоедки. Мыслительный процесс отражался на лице невероятными муками.

– В н-нашем славном городе этих н-недостойных граждан нынешней весной словно кто разводит. Каждый день в участки обращаются за помощью пострадавшие горожане, по большей своей части женского полу – что понятно, – но сил и времени на них у доблестной милиции не х-хватает. – Лейтенант еще раз смутился, сообразив, что последнее говорить не следовало, и решил быстренько закругиться, пока еще чего не разболтал. – В общем, дерзайте. Если возникнут какие вопросы, обращайтесь к капитану или лично ко мне. В-всегда рад буду вам помочь.

На этой ободряющей ноте официальная часть занятия закончилась, и Ворохватов смущенно удалился. За ним, на прощание бросив: «Я рад за вас», – последовал и полковник Подтяжкин. Курсанты с замиранием сердца следили за Мочиловым, ожидая дальнейшей своей участи. Это странное слово «дурковеды» нервировало своей неопределенностью. Действительно, кто они такие?

Судя по тому, как слово звучит, можно предположить, что дурковеды – специалисты по людям не совсем умным.

Мочиллов, придумывая свою следующую фразу, перекатился с пяток на носки.

Затем обратно. Понравилось.

– Завидую я вам, господа курсанты, – сказал капитан. – В мое время учащимся не доверяли серьезных дел. Чтоб не наворотили.

Ну, да ладно. Разговор не о том. Сейчас же наша первоочередная задача – выявить лучшего курсанта, которому можно было бы доверить ответственную обязанность старшего группы, кто смог бы разработать стратегический план по поимке преступника и помочь привести его в действие, – лицо Мочилова изобразило хитрую прищуренность. – Чувствую, всем вам хочется попробовать себя на месте командира.

Курсанты со своей стороны подобного не ощущали. Ловить неизвестно кого, возможно, преступников очень опасных, им не улыбалось.

– Мне и самому хотелось бы потряхнуть стариной да включиться в дело, но... Годы уже не те. Чтобы быть объективными, ответственного за операцию назначим по результатам контрольной, которую вы сейчас и напишете.

Утконесовы переглянулись.

– Думаю, не стоит слишком хорошо контрольную писать, – шепотом предложил Андрей.

– Угу, – согласился Антон. – Предоставим занять почетную должность другим.

* * *

По случаю необычного задания на всех занятиях преподаватели особенно пристально следили за уровнем знаний курсантов, отрываясь на них за все те бесцельно прожитые годы, которые они провели за штудированием учебников в пыльных библиотеках. К вечеру учащиеся третьего курса чувствовали, что багаж знаний в них пополнился под завязку и скоро поперет через край, дивя окружающих феноменальной для простого мента эрудицией. После пятой пары Пешкодралов готов был плюнуть на все и вернуться домой на своих двоих, так же, как пришел сюда три года назад.

Он мог бы и на автобусе, но денег у бедного студента, как и тогда, не было.

Один Зубоскалин сохранял бодрость духа и ясность мысли, поскольку этого добра у него было завались, с избытком на весь третий курс.

Именно благодаря сему факту Санек просто не мог забыть об обещанном Федору Ганге содействии в нелегком деле очарования тети Клавы. Но то ли по странной случайности, то ли еще почему Зубоскалин об этом деле сперва заговорил не с Федором, а с Утконесовыми.

– Надо бы парню помочь. Влюбился в нашу повариху по уши, а как подойти к ней, сказать, не знает.

– Не волнуйся, Дирол, проконсультируем, – заверили братья.

– Я не о том. Красиво все нужно обставить, чтобы сочинители «мыльных опер» позавидовали.

– Амнезию, что ль, устроить?

– Нет. Захват с последующим счастливым избавлением.

* * *

День клонился к вечеру, украшая горизонт и крыши домов красками заката, когда над зеленым забором с полинялыми красными звездами появились две коротко остриженные головы, одинаковые до безобразия, и огляделись. В поле их зрения никаких нежелательных личностей, как то патруль или вышестоящие чины, не наблюдалось. Удостоверившись в том, что путь безопасен, личности, мало походящие по своему прикиду на курсантов, перемахнули через забор и, воровато оглядываясь, скрылись из виду.

Почти одновременно с ними из общежития, находящегося при школе милиции, вышли опять же двое, но примеру первых не последовали, а прошли, как и положено, через ворота. Этих спутать ни с кем нельзя было – настоящие курсанты, – поскольку на них была форма, а в глазах решимость ловить преступников всех калибров и специальностей.

Но и они, отойдя недалеко, выбрали лавочку, замаскированную зеленью, чтобы присесть на нее никем не замеченными.

Через те же ворота минуту спустя прошагал еще человек, на этот раз в единичном экземпляре и женского пола.

– До завтра, тетя Клава, – попрощался с нею дежурный, стараясь быть особенно любезным и надеясь за это назавтра получить кусок повкусней.

Нагруженная сумками с нечестно заработанными синими курами, не успевшими отойти еще от заморозки, повариха, тяжело пыхтя и отдуваясь, отправилась домой пешком. Пройти предстояло совсем немного, каких-то пару остановок, потому тетя Клава общественным транспортом принципиально не пользовалась, экономя Миньке на кроссовки, а себе на губнушки.

Об опасностях такого пути женщина как-то не задумывалась, а следовало бы. Дорога ее лежала все дворами, в которых фонарей не было.

Парочка, облюбовавшая замаскированную скамейку, тихонько снялась с места и, крадучись, последовала за поварихой. Стороннего наблюдателя привел бы в изумление случившийся факт, и он решил бы, что курсанты милиции затевают что-то ужасное по отношению к несчастной женщине. Так оно и произошло. От зелени, которая оккупировала скамейку, отделилось трико того же цвета, в котором находился пожилой гражданин с блокнотом в руках. Он набросал что-то на листке и, стараясь сливаться с окрестностью, двинулся в ту же сторону.

– А если на нее никто не нападет? – полушепотом спросил один из двоих преследовавших курсантов, тот, что повыше. Насколько смогло определить зеленое трико, на голове у этого преступника был черный чулок. Без сомнения, здесь намечается кража. Возможно, ограбление века.

– Будь спокоен, Дирол свое дело знает, – ответил второй, и оба замолкли.

Ничего не подозревающая беспечная женщина шла совершенно безбоязненно, думая о том, что ноги у нее опять отекли и вытащить их из туфель будет довольно проблематично. К тому же неизвестно, что еще Минька принесет из школы. Уж больно неуправляем стал со своим переходным возрастом. Да и вообще, жизнь не удалась, ребенок хамит, одиночество заело. Хоть бы мужичонку какого завалиющего для успокоения души.

Впереди возникли и материализовались граждане мужского пола.

Причем в двух экземплярах, словно на выбор. Граждане выглядели крайне недружелюбно. Пышные гусарские усы нисколько не вязались с современным прикидом, зато добросовестно прикрывали добрую половину лица. Нижнюю половину. Верхнюю же маскировали солнцезащитные очки, непонятно для какой надобности напяленные в столь темное время суток. Неформалы пристально всматривались во мрак, тщетно стараясь рассмотреть что-то сквозь очки. Это тетю Клаву насторожило. Спрятав на всякий случай сумки за спину, женщина боком постаралась прокрасться мимо сомнительной молодежи. Но не тут-то было.

Ориентируясь больше на слух, ребята определили, что мимо них кто-то крадется, и, выхватив из карманов по финке, подбросили их невысоко в воздух. Тетя Клава поняла, что готовится нападение.

Злоумышленники неестественно хриплым голосом потребовали у незащитной женщины денег, хлеба и развлечений. Из всего перечисленного повариха могла откупиться только хлебом. Зарплату ей уже два месяца не платили, а насчет развлечений... С ее-то радикулитом?

Двое преследователей в форме курсантов остановились поодаль, спрятавшись за стены подвала, напряженно наблюдая за развитием событий.

Казалось бы, профессиональный долг обязывал их моментально ринуться на спасение одинокой представительницы слабого пола. Но курсанты выжидали.

Один из них, тот, что в чулке, попробовал толкнуть дверь подвала.

Она поддалась. Кивком головы предложив подельнику спрятаться внутри, он первым вошел и спустился на пару ступенек. Отсутствие нескольких кирпичей позволяло наблюдать за жертвой, не боясь быть замеченными.

Второй последовал его примеру.

– Подожди, когда они нападут, – шепнул он на ухо первому. – Эффекту больше будет.

А за стеной разыгрывалась трагедия не хуже шекспировской.

Бандиты наступали на тетю Клаву, все настойчивее предъявляя свои требования.

Что-то они тянули с развязкой и финки с кулаками в ход не пускали.

Повариха, судорожно вцепившись в свою ношу, медленно отступала, пятясь назад точно по направлению известного нам подвала. Расставаться с жизнью ой как не хотелось. Но, с другой стороны, с синими курами тоже.

Женщина почувствовала, что она к ним как-то привязалась, просто сроднилась, поскольку накануне у нее были гости и дома из съестного ничего не осталось. А Минька в самый рост пошел, ему сейчас белок требуется.

Тетя Клава столкнулась с подвалом, почувствовав холод стены и горячее дыхание в ее отверстие.

– Пора, – шепнул один из сидящих в подвале.

По команде высокий, одернув форму и смахнув с нее пылинку, ринулся по ступенькам вверх. Дверь подвала с лязгом захлопнулась прямо перед его носом, оставив курсанта в недоумении размышлять над случившимся.

Это роковое «пора» услышала и тетя Клава, быстро приложив его к сложившейся ситуации и обо всем догадавшись. Похоже, у бандитов есть сообщники, сидящие в засаде. Нервы бедной женщины не выдержали (они вообще у нее были шаткими после того, как Агафон ушел). Вспомнив учения в школе милиции, на которые порою тетя Клава украдкой поглядывала, с громким криком «Ки-я» она занесла над головой обе руки и обрушила их на одного

из злодеев. Вместе с ударом рухнули на его голову семь кило замороженного продукта, упакованного в болоньевую сумку, поскольку кур тетя Клава из рук не выпускала.

Ноги у вымогателя подкосились, в голове что-то щелкнуло, и мир временно отключился. – Антон, – растерянно произнес второй, безвольно выронив финку из рук.

Сквозь очки вырывалось наружу сочувствие к корешу. Бандит оказался душевно ранимым, способным к сочувствию. Но тете Клаве некогда было наблюдать за внутренней борьбой и переживаниями второго, потому как из подвала рвалась к нему подмога в лице высокого с чулком и гражданина поменьше, но без маскировки. Целенаправленно впечатав во второго преступника гордость американского дядюшки Буша и подхватив повыше подол юбки, чтобы не мешал, дородная повариха бодро припустила прочь.

Но не суждено было тете Клаве скрыться с места преступления раньше времени. Судьба приготовила ей новое испытание, не хуже первого.

Двое в подвале прекрасно слышали все, что творилось на улице, звук тяжелых ударов красноречиво говорил о незапланированных жертвах, что придавало невольным пленникам сил. После бесславного поражения второго нападающего курсанты поднажали и снесли дверь с петель, придавив ею что-то мягкое в зеленом.

– Я вас спасу! – крикнул тот, что в чулке, протягивая руки к тете Клаве и бегом направляясь в ее сторону.

От женщины с расшатанными нервами, пережившей секунду назад злостное нападение, можно ожидать все, что угодно. Ободренная успехом, она заикливо повторила боевой прием. Синие куры опять сослужили ей добрую службу, отправив нового злоумышленника в нокаут. Оставался четвертый, в нерешительности остановившийся на месте бывшей двери.

Тетя Клава, вскрикнув, поднесла руку ко рту.

Сумерки окутывали растерянную фигуру дымкой таинственности, не давая ясно различить черты человека. Но даже в темноте Клава узнала это лицо, эту фигуру. Нет, его она ни с кем не спутает.

– Агафон, – слабо пролепетала она, выронив из рук тяжелую сумку и оставшись перед любимым мужчиной совершенно беззащитной.

Лежащая на чем-то дверь неожиданно пошевелилась, приподнялась, явив взору перепачканные в земле руки в зеленом, и с силой встала на свое прежнее место, сбив тем самым романтическое видение.

– Мы их сделали! – довольно выкрикнул пенсионер в трико, поднимаясь на ноги. – Можете теперь ничего не бояться.

Путь свободен.

Насчитав плюс к четырем поверженным еще и пятого хулигана, повариха охнула, подхватила сумку с бронебойным содержимым и лихо припустила к своему дому, справедливо предположив, что от греха нужно уйти подальше, поскольку, возможно, поблизости еще с десяток преступников прячется.

Как и куда удалилось зеленое трико, никто не видел.

* * *

Федор Ганга очнулся с гудящей головой, в незнакомом темном дворе. Где он, что здесь делает и как сюда попал, Федя не помнил.

Состояние было как с похмелья, разве что желудок не болел и во рту не так гадко. Ганга тяжело поднялся и на автопилоте порулил в неопределенном направлении, постоянно спотыкаясь, не отдавая себе отчета в том, куда он идет и почему несознательно покидает своих друзей, беззащитно распростершихся на тротуаре. Он помнил только одно: нужно спасти какую-то женщину, зачем-то сделать широкий жест.

– Красавчик, мимо не проходи. Ого, какой ты веселый.

И черный. Валютный, что ли? Продолжить праздник не желаешь?

Потребовалось усилие, чтобы поднять взгляд от земли и посмотреть вперед. Перед Федей стояла молодящаяся женщина в униформе труженицы древнейшей профессии: чулки сеточкой, короткая красная юбка и чрезмерно открытая давно опавшая грудь. Федор проморгался, с натугой соображая, что он, собственно, хочет.

– Вас спасти надо? – напрямик спросил Ганга, замечая, что перед глазами стали прыгать как ненормальные желтые и ультрафиолетовые круги.

– Это уж как тебе понравится, – многообещающе прищурил глазки в улыбке, сказала работница ночной смены. – Можно и со спасением, наручники у меня есть.

– Тогда я тебя спасу, – заявил Федя. И больше он ничего не помнил.

3

Утро в Высшей школе милиции началось для капитана Мочилова с головной боли. Он проверял написанные вчера контрольные и ужасался.

По совершенно непонятной причине лучший курс на поверку оказался абсолютно неподкованным с теоретической точки зрения. У повидавшего всякое на своем веку капитана слезы наворачивались при прочтении особо талантливых сочинений, а месячный запас валерьянки неумолимо таял. Из всего, что сдали ему курсанты, выходило, что лучшим в группе является Пешкодралов, парень старательный, но известный тугодум, еле набирающий необходимое количество удовлетворительных оценок, чтобы кое-как переползть на другой курс.

Мочиллов рассеянно окунул платок в графин с цветами и протер разболевшийся лоб. В учительской никого не было. Все ушли на занятия, а капитан никак не мог решиться последовать их примеру. У него как раз должно было начаться занятие в своей группе. Что он им скажет?

Что назначает старшим Пешкодралова? Это же курам на смех. На кафедру, четко печатая шаг, решительно вошла лейтенант Костоломова, габаритами своими ничуть не уступающая высокому, атлетически сложенному Ганге, а волей и умением здраво мыслить самому полковнику Подтяжкину. У нее первая пара была свободна, отчего она и оказалась в этот час в учительской.

Костоломова недоуменно остановилась напротив Мочилова, являвшего собой достаточно жалкое зрелище. По столу, за которым он сидел, в живописном беспорядке были разбросаны листы, на которых капитан во время раздумий изобразил гелевой ручкой танки, самолетики, бронетранспортеры и зенитные установки; все это искусство было порядком подмочено расплескавшейся водой из графина, в котором еле выживали последние переломанные нервной рукой капитана две ромашки. К мокрому лбу приклеился один лепесток, отчего Мочиллов смахивал на мудрого ламу. Костоломова внимательно оценила новый имидж коллеги.

– Капитан, вас что-то беспокоит? – сделала она верное предположение.

– Как вы догадались? – удивленно приподняв бровь, спросил Мочиллов. От движений мышц лица лоб собрался гармошкой, отчего лепесток упал, являя собою молчаливый ответ на поставленный вопрос. – Ах, да, – догадался капитан и стал поспешно собирать разбросанные листы. Не признаваться же в том, что твои подопечные, которых ты на каждом углу расхваливал, тупее идиотов. – Просто... жарко.

Костоломова понимающе кивнула, многозначительно взглянув на градусник, где ртутный столбик тщетно силился переползти от отметки пятнадцать к шестнадцатому делению.

– Контрольную своим давали? – попробовала она подойти с другой стороны.

– Да так... – силясь придать голосу безразличие, неопределенно ответил капитан, выдав тем себя с потрохами.

– И результаты, конечно, отличные.

– Да, да, – чересчур уверенно, но немного суетливо сказал Мочиллов.

Костоломова понимающе кивнула и выудила из графина скомканную вгорячах работу Зубоскалина.

– Попробую отгадать, это была лучшая работа.

Жалкие останки контрольной безвольно повисли в мужественных дамских пальчиках лейтенанта. Красные исправления, в изобилии пестрящие на листке, как сорняки на колхозном поле, кричали о вопиющей безграмотности индивида, написавшего сей научный труд.

Мочиллов сник, жалостливо дернув подбородком. Костоломова хоть и была человеком волевым, но, надо заметить, женщиной, а оттого в ее глазах промелькнуло сочувствие. Лейте-

нант поставила стул напротив, спинкой вперед, и, оседлав его, положила подбородок на крепко сцепленные кулаки.

– Я знаю третий курс как облупленных, они умные ребята, но с характером. Почему-то они не захотели проявить свои знания, из чего я сделала вывод, что контрольная эта необычная. Я отгадала?

«Поистине прозорливый ум у этой женщины!» – восхищенно подумал Мочиллов и сказал ей все о задании.

– А кто такие дурковеды? – удивилась Костоломова.

Она была прекрасным преподавателем боевых искусств, а вот в терминологии современного сыскного дела немного подкачала.

Не по профилю.

– Специалисты по разрезанию сумок, – машинально произнес капитан.

– А курсанты об этом знают?

Мочиллов медленно нацелил глаза на твердый взгляд Костоломовой, попытался вслепую определить место дислокации своего носового платка, но, не сумев это сделать, просто налил из графина горсть и умылся желтоватой водой. На третьем курсе тема о карманниках, дурковедях и прочих мелких правонарушителях им же самим запланирована только на следующую неделю. Какой же он дурак, не смог сразу догадаться, в чем дело! Им просто не хочется соваться в неизвестное дело. Ну ладно, он им сейчас покажет, как шутки шутить с капитаном Мочилловым.

Решительно встав и пожав руку гордой собственной прозорливостью Костоломовой, капитан сгреб в охапку все научные труды третьего курса, не забыв прихватить мокрые остатки работы Зубоскалина, и целенаправленно ринулся к двери.

* * *

В кабинете криминалистики страсти накалились до предела.

Шум стоял невероятный. Несмотря на то что звонок на занятие пятнадцать минут назад был дан, никто и не думал приглушить голоса, чтобы преподаватели о них не дай бог не вспомнили. Похоже, курсанты вообще не заметили того, что в кабинете странно отсутствует пунктуальный до ненормальности Мочиллов. Курсанты столпились вокруг высокой черной фигуры, служащей неплохим ориентиром, и наперебой выдвигали версии.

– Федя, не иначе как запоздалый переходный возраст у тебя начался. Ага. Я слышал, бывает такая болезнь, задержка в развитии. Ты по ночам как, простыни не портишь?

– Да зараза это. Слишком крупные для угрей.

– Может, аллергия? Чего вчера ел?

– Что в столовой давали.

– А ты перловку как, перевариваешь?

– Да ерунда все это, ребят. Раньше ж он ее жрал, и ничего. Никаких аллергий не было.

Ганга тяжело вздохнул. Не было. Его некогда красивое, загорелое от природы лицо (и не только лицо, но этого не было видно под форменной одеждой), словно художником-авангардистом, было изрисовано красными волдырями самых различных размеров. Кое на каких из них красовались гнойные головки. Федор был чрезвычайно удручен именно этим обстоятельством, поскольку на темной коже гнойники выделялись своей девственной белизной, делая парня похожим на перекрасившуюся божью коровку.

– Стойте, стойте, ребята, – прервал размышления товарищей Кулапудов. – Давайте все по порядку. Проведем следственный эксперимент, в натуре. Необходим сбор данных.

Все попритихли, ожидая дальнейших действий Вениамина. Несмотря на то что в прошлом он вел совсем не праведный образ жизни, Венька был товарищем серьезным, башковитым, на особенном счету у преподавателей.

Во многом ему помогала, как это ни странно, подпорченная биография.

В юности Кулапудов не раз состоял на учете в милиции, держал в страхе весь район, а потому о крупных и мелких криминальных элементах знал не понаслышке. Короче говоря, в школу милиции он пошел с достаточным багажом знаний, что помогло выделиться среди своих однокашников и вырваться далеко вперед по успеваемости. Пожалуй, слишком далеко.

Теперь он везде, где надо и где не надо, старался проводить следственные эксперименты, изображал из себя следователя, перемежая в своем лексиконе профессиональную терминологию с феней братвы. Веня всегда переходил на прежний свой лексикон, когда волновался.

– Попробуй вспомнить как можно подробнее все, что ты делал вчера. Может быть, твои показания нас наведут на след.

Напряги чердак и начни с харчевни.

Федор изо всех сил постарался напрячь чердак, но ясности в немногих обитающих там мыслях было мало.

– Я плохо помню. Ударился вчера головой, – попытался оправдаться Федор.

– Где, когда и при каких обстоятельствах?

Если бы Федор был белым, он бы покраснел. Во всяком случае, такое случилось с братьями Утконесовыми и – небывалый случай – с самим Диролом. Ганга закашлялся.

– Вечером на улице напали.

– Да ну! – искренне удивился Пешкодралов.

– Сколько их было? Во что одеты? Особые приметы есть?

Паспорт ты их запомнил?

– Что?

– Лица, говорю, лица их видел?

Зубоскалин с близнецами все больше наливались пролетарским цветом.

– Да что ты пристал к парню? – попытался замять тему Дирол. – При чем здесь сыпь?

– Сейчас и узнаем, – отрезал Кулапудов. – Так как насчет фейса?

– Не помню я.

– Хорошо, – сказал Вениамин, попытавшись изобразить на лице, что это совсем не хорошо. – Что дальше было, тоже не помнишь?

– Помню. Я встретил проститутку.

– Опаньки! – восхищенно воскликнул Веня, с размаху хлопнув ладонью о ладонь. – Ганга профурсетку снял!

Не ведал я, что ты у нас чушка. Дивишь ты народ, Федька, дивишь!

Ганга смущенно молчал. Тяжелый вздох обреченного человека вырвался из его груди.

– Вот где шавка зарыта, – продолжал восхищаться собственной прозорливостью Кулапудов. – Поймал ты, друг, сифилис, поверь моему опыту. Знаю, что говорю. – Он повесил руку на плечи друга и уже серьезнее добавил: – Сочувствую.

Решив, что на этом его миссия закончена, Веня сполз со стола, на котором сидел, и прошествовал к своему месту у входной двери.

Ганга молящими глазами посмотрел ему вслед.

– И что же теперь делать?

– Да уж не в медпункт идти. Там сразу все начальству доложат. А за это выговор или еще что похуже. Попал ты, Федя, попал.

Ганга обреченно склонил голову. Факт встречи с проституткой был налицо, это он помнил точно. Потом, правда, все расплылось, как в тумане. Вроде бы она его повела куда-то. Сказала, что там спасать удобнее, не поддувает. Дальше какой-то коридор с затхлым запахом.

Больше он не помнил. А проснулся Федор почему-то на улице. Кстати, как это почему? Не оставлять же ей клиента у себя на хате. Трудовая ночь-то еще была вся впереди.

– Не тоскуй и радуйся, что я у тебя есть, – снова подал голос Кулапудов. – Скажу тебе один рецептик, как рукой снимет.

– Уверен? – с надеждой спросил Федя.

– На себе пробовал. Бери ручку и конспектируй...

Ганга достал из нагрудного кармана ручку, открыл тетрадь по криминалистике на последней странице и приготовился писать. Несколько одноклассников последовали его примеру. Польщенный всеобщим вниманием Венька принял эффектную позу, облокотившись о дверь, и приготовился говорить.

Дверь открылась наружу, и Кулапудов, не удержавшись на опорно-двигательном аппарате, оказался коленопреклоненным прямо перед взъерошенным Мочиловым, из-под форменной фуражки которого выглядывала мокрая челка, а отдельные смятые листы контрольных посыпались на пол из зажавшего их кулака.

Картина получилась трогательная. Капитан от столь глубокого к своей персоне почтения впал в умиление. На этом дальнейшая судьба Кулапудова Вениамина Арнольдовича на ближайšie пару недель была решена окончательно и бесповоротно.

При появлении преподавателя разрозненные части будущей российской милиции, а на данный момент учащиеся третьего курса, в мгновение ока дислоцировались на свои места и замерли в выжидательно-истуканской позе. Ганга умудрился стоять по стойке «смирно» с подогнутыми коленями, дабы скрыть за невысокой спиной Пешкодралова факт наличия на его лице подозрительной сыпи. Кулапудову тоже пришлось подсутиться.

Коротко извинившись, он пробежал на свое место и вытянулся.

Мочиллов приземлился на преподавательский стул прежде, чем посадить аудиторию. Ворох контрольных он положил прямо перед собой на стол и примял их ладонью, чтобы не загоразживали класс.

– Я изучил ваши работы. – Капитан обвел курсантов пронизывающим взглядом, от которого словно по команде все отвели глаза.

Один Пешкодралов честно смотрел на Мочилова, поскольку он писал контрольную как всегда старательно. Иначе он бы не смог. Не догадался бы. – Феноменальные работы, мне очень понравились. Никогда еще я не читал ничего лучшего.

Немой вопрос застыл на лицах курсантов. Федор забыл маскироваться за спинами. Леха зарделся, польщенный похвалой.

Довольный произведенным эффектом Мочиллов откинулся на спинку стула, сцепив руки на намечавшемся животике, сладко сощурился и без того небольшие глазки. Он еще им покажет, как подобные контрольные сдавать. Хорошо, что ему, а если какому другому преподавателю такое в руки попадет? Стыда ж не оберешься.

– Результаты отменные. Трудно было из этого, – Мочиллов потряс над головой охапкой контрольных, осыпающихся, как листва по осени, – выбрать лучшее. Но я старался. Надеюсь, вы признаете мой выбор объективным. – Капитан бросил влюбленный взгляд на только что валявшегося в его ногах курсанта. – Командовать операцией по поимке дурковедов будет Кулапудов.

Венька обреченно обмяк на своем месте. Шпаной он командовал, братве, став постарше, указания раздавал, дома родителей строил. И тут опять. Ну когда же на пенсию?

– В помощники назначаю... – Мочиллов внимательно обвел аудиторию взглядом. В отместку за контрольные можно было в помощники Пешкодралова поставить. Пусть мучатся под его мудрым руководством.

Но это же все дело заранее завалить. Глаза капитана наткнулись на огромную фигуру, изо всех сил старающуюся укомплектоваться за партой и спинами. Значит, укрывается от ответственности, – курсанта Гангу.

Не ожидавший столь почетного назначения, Ганга выпрямился во весь рост, удивленно открыв рот, и хлопнул увеличившимися раза в два глазами.

– Кстати, Ганга, купите «Окси-10». Должно помочь.

* * *

У курсанта Ганги голова раскалывалась от пережитых волнений.

Мало того, что Мочиллов повысил уровень трудности занятий, вдохновленный «отличными» контрольными, так еще и рецептик Кулапудов продиктовал.

Врагу не пожелаешь. Где это он, Федор, раздобудет мочу ребенка до пяти лет? О чем Венька думал? И, главное, деваться ему некуда. Не в медпункт же идти с сифилисом. Правильно Кулапудов говорит, попал он, причем по уши.

После занятий, предварительно переодевшись в штатское, чтобы не позорить мундир, Ганга вышел на улицу с твердым намерением обнаружить лиц раннего детского возраста, желательно почему-то мальчиков. Чем естественные продукты жизнедеятельности мальчишеского организма отличаются от той же жидкости, выработанной внутренними органами девочек, Федор не знал, но решил действовать точно по рецепту.

Повезло практически сразу. Только Федя отошел от ворот школы, как увидел ребенка, сидящего на скамейке и сковыривающего с колени засохшую болячку. Конопушки густо усеивали его нос, а соломенные волосы непослушно лезли в глаза. Солнце запуталось в них. Мальчик, увлекшись своим делом, старательно высунул кончик языка, прикусив его. Ганга залюбовался наивным детским личиком. Когда-то и сам таким был.

– Мальый, тебе сколько лет? – как можно доброжелательнее, чтобы не задеть ранимую детскую психику, спросил Ганга.

– А тебе че за дело, мусор недоделанный. Иди в свою школу и строй там опера от души. А если возраст тебя мой интересует, так несовершеннолетний я пока, десять мне. Так что отчаливай свой баркас, здесь тебе ловить нечего.

И не успел Ганга опомниться, как светлое видение соскочило со скамейки, убежав в подъезд. Федор стоял как оплеванный, мучительно соображая, как это пацан догадался, что он в школе милиции учится.

На лбу, что ли, написано?

– Смотри, курсант вышел, – услышал он девичий полусшепот за спиной. – Они здесь по утрам территорию убирают.

Я его давно заметила.

Девушки еще о чем-то пошептались и свернули за угол. Так, один вопрос сам собой отпал. Теперь второе: как найти ребенка? Да, кстати, лучше поменьше. Венька говорил до пяти лет, а этому аж десять.

Как они, пятилетние, выглядят? Если возраст в два раза меньше, значит, искать нужно ребенка где-то вполупину от этого. Ганга мысленно прикинул.

По колену.

Часа два курсант Федор Ганга шатался по центральным улицам города, присматриваясь ко всем мальчикам, более-менее подходящим по росту. Попадались почему-то дети либо выше, либо чуть ниже намеченного ориентира. Но основная проблема заключалась не в этом. Можно было выбрать и ниже колена, даже лучше. Но такие все сплошь попадались почему-то с родителями. Недоверчивые мамы тревожными взглядами окидывали высокого черного парня, подходившего слишком близко к их детям и отмерявшего чего-то, чуть ли не тыча коленями в ребячьи затылки.

После двухчасовой охоты Ганга устало опустился на лавку, находящуюся на остановке. С такими темпами он и в пятилетку не управится.

Нужно было что-то придумывать.

Ганга поднял голову и напротив увидел кованые витые ворота, на которых разноцветными, веселенькими буквами было написано: «...етский пар...» В безнадежном, казалось, деле появился и забрезжил слабенький луч надежды.

Просияв, Федор вскочил и, крепко приобняв старушку, с чувством расцеловал. Бабушка от неожиданности поперхнулась булкой, но парень этого уже не видел. Он несся на всех парах к заветной цели, оставляя позади краснеющую от удушливого кашля спасительницу.

4

Сколько там было детей! У Федора глаза разбежались, лишь только он оказался под сенью цветущих лип. Молодые родительницы, толкая впереди разномастные коляски, прохаживались взад-вперед по асфальтированным дорожкам. Выросшие из неходячего возраста детки забредали в траву, как опытные сыщики изучая все, что в ней попадалось. Федора сразу же обогнала парочка на скейтах. Но эти были выше положенного размера.

Так, детей он нашел. Следующая и основная задача – установить с одним из них контакт, склонив на дачу ингредиента для лекарства. Что ж, будущий следователь должен уметь внедряться в любой коллектив, даже если в этом коллективе не все могут говорить.

Внимательно окинув взглядом видимое пространство парка, Федор оценил обстановку и решил начать с площадки, на которой располагалась песочница. Там сконцентрировалась основная масса детей подходящего размера. Что самое приятное, мамочки сидели чуть поодаль, на лавочках, по-видимому, очень увлеченные беседой друг с другом.

Молодой здоровенный парень нестандартной расцветки, легко перешагнув невысокий бортик песочницы, присел на корточках рядом с серьезным малышом, безнадежно пытающимся «испечь кулич», и взял бесхозно валяющийся совок в руку.

– Ты не так делаешь. Давай помогу.

Федор вспомнил детский свой опыт, раскопал ямку поглубже, наложил сырого песка в ведро, перевернул его и постучал совком сверху.

Ловкое движение руки, ведро снимается, и – вот оно чудо – аккуратненький маленький холмик в наличии. Федя победоносно посмотрел на малыша, ожидая восхищения и благодарности.

– Я не такой хотел, – надулся мальчик и, сморщив личико, постарался заплакать.

Это в планы внедрившегося в детский коллектив Ганги не входило.

Следовало срочно поправить дело, дабы родительницы не вмешивались в него.

– Сейчас будет другой, – не успев подумать, быстро сказал Федор.

Мальчик заинтересованно посмотрел на странного дядьку и плакать передумал. Но тут перед Гангой возникла и встала новая задача, не менее сложная. Федор знал только один способ производства куличиков.

Как исхитриться и изобразить другой вариант, он не знал. Немного подумав, парень остановился на простом варианте решения проблемы – изменить химический состав сырья, то есть исключить из него H₂O.

Насыпав в ведро песка сухого, Федор повторил процедуру с переворачиванием и похлопыванием совочком по ведерку. Результат вышел малоутешительный: просто бесформенная кучка песка и никаких радующих глаз геометрических граней строения.

– Это не кулич, – однозначно сделал заключение мальчик, в силу своего возраста являющийся неплохим экспертом по куличикам.

Ганга и сам видел – получилось не совсем то, что он хотел. Неудача не заставила его опустить руки. Наоборот, у него появился какой-то спортивный азарт. Федор не привык пасовать перед трудностями.

Он найдет этот новый способ, черт его подери, чего бы это ему ни стоило.

– Сейчас все будет путем, – увлеченно сказал «большой дядька» и на следующие пятнадцать минут забыл о малыше, с головой погрузившись в решение нелегкой проблемы.

Ребенок посидел на корточках минуту, две, десять. Живая детская натура, требующая постоянного действия и игр, не находила выхода скопившейся энергии. Попросту мальчику стало скучно. Он встал с корточек и, обиженно поджав губки, направился в сторону лавочки с родительницами, чего, конечно же, не заметил азартный Ганга.

– Мама, он у меня ведро с совком отобрал, – хныча сказал малыш, потянув за юбку одну из молодых женщин.

Все мамы, как по команде, обернулись на песочницу, ожидая увидеть злого хулигана-мальчишку, которому не мешало бы хорошенько оттрепать уши.

В песочке увлеченно ковырялся здоровенный детина, росту которого позавидовал бы любой волейболист. Вещественное доказательство его правонарушения – ведро – так и мелькало в руках, то переворачиваясь вверх дном, то обратно. Возникли серьезные подозрения по поводу нормальности странного субъекта. За спиной у мамаш неожиданно возник и вырос знакомый уже нам гражданин, пенсионер, спортсмен, шпион и еще мало ли кто. Короче говоря, это было зеленое трико, в данном конкретном случае изображающее из себя отдыхающего в парке.

– Этот подозрительный элемент – маньяк, – со знанием дела шепнул неорганизованной группе родителей пенсионер. – Он нападает на женщин и пристает к детям.

Сделав свое черное дело, шпион юркнул за ствол тополя. Наживка была проглочена мамашами целиком, с потрохами. В мгновение ока разбившись по парам: мама – ребенок, родительницы увели своих чад подальше от намечающейся опасности. Мамаша обиженного малыша вырвала из рук не сообразившего, в чем дело, Ганги ведро с совком, бросила с упреком:

– Стыдно, молодой человек, – и поспешила домой, волоча за руку сопротивляющееся чадо.

Только теперь Федор заметил, как опустела песочница. Это показалось подозрительным. Может, пока он занимался решением своей проблемы, произошло какое-нибудь правонарушение? Злостный акт вандализма?

Хотя следов разыгравшейся трагедии при беглом осмотре не обнаруживалось.

Ганга вышел из песочницы и устало опустился на лавочку.

Нужно было хорошенько все обдумать, да и просто отдохнуть. Время подходило к ужину, желудок потихоньку начал требовать пищи. А дело по добыче ингредиента оставалось на мертвой точке.

– Не возражаете, я присяду? – спросила девушка.

Перед собой она везла коляску премилой расцветки в стиле кубизма.

Федор кивнул в ответ и снова погрузился в свои мысли. Но подумать спокойно не удалось. Девушка, устроившись на скамейке, засюсюкала пассажиру коляски, а затем и вообще вытащила его наружу. Подгузник у ребенка был мокрым. Именно этот факт побудил Гангу задать вопрос.

– Сколько вашему?

– Пять.

Как громом ударило Федьку. Так вот они какие, пятилетние!

Они еще даже не умеют ходить! А он тут дурочку валяет в песочнице, к великовозрастным подросткам пристает. Ну и мороки с этими детьми. Как только женщины в них разбираются?

– Мы уже большие, – говорила мамаша, обращаясь почему-то к ребенку, – нам уже пять месяцев. Да, Русланчик?

Черт, опять промашка. Может, спросить у нее, как выглядят пятилетние? Пора ему, Ганге, учиться проводить допросы и просто опрашивать население.

– Скажите, – стараясь придать голосу как можно больше вежливости, начал он, – как выглядят пятилетние дети?

– Как всякие дети, только пяти лет, – удивленно вскинув брови, ответила молодая мамаша.

– Нет, я имел в виду, какого они роста?

Девушка пробежала глазами по асфальтовым дорожкам и указала пальцем в сторону одной из них.

– Вон там девочка лет пяти.

– Я хотел бы мальчика, – поправил Ганга.

Мамочка недоверчиво окинула взглядом назойливого парня, однако ничего подозрительного не заметила.

– Тогда вон тот.

Федор посмотрел по направлению указующего перста, и бальзам надежды пролился на его измученное сердце. Одиноким мальчик, ростом ниже колена, стоял у большой афиши заезжих аттракционистов и внимательно ее изучал. Федя снялся с места и в мгновение ока был уже напротив пацана. По дороге курсант понял, что нужно принимать решительные действия и переходить от выжидательной позиции к решительным действиям. Иначе к ужину он не успеет.

– Малыш, ты писать хочешь? – напрямик спросил он у ребенка.

– Нет, – несколько не удивившись, ответил потенциальный производитель ингредиента для лекарственного средства.

Это усложняло задачу. Но Ганга вошел в азарт и отступить не собирался.

– А газировку любишь?

Малыш кивнул.

– Хочешь, я тебе куплю?

Тот отрицательно покачал головой.

– Мне дядя Семен уже три стакана купил. Аж в животе булькает.

– Ничего, все равно захочешь, – убежденно сказал Федор. – Жди меня, я сейчас.

С такой завидной скоростью бегают разве что на Олимпийских играх либо от медведя-шатуна, разбуженного зимой и злого до ненормальности.

Ветер свистел в ушах, а прохожие шарахались в стороны, пропуская курсанта, маньяка и сифилитика в одном лице. За семь с половиной секунд Федор добрался до ларька, за две купил двухлитровую бутылку газировки, вывалив из карманов всю мелочь, не считая и не дожидаясь сдачи, и опять же в семь с половиной секунд вернулся обратно. Пассивно-медлительный мальчик даже не заметил временного отсутствия нового знакомого.

– Пей, – всучил Ганга здоровую бутылку малышу в руки.

– Да я не хочу.

– Хочешь! – повысил голос доведенный до отчаяния курсант.

Пацан хлопнул глазами на взбесившегося пятнистого негра-амбала.

Страх незаметно подкрался и вцепился мертвой хваткой в сердце мальчонки.

Паника вселилась в его душу, и он сказал судьбоносную для Федора фразу:

– Я сейчас описаюсь.

Федя чуть не подпрыгнул от радости. Он отвел малыша в сторонку, за дерево. Не делать же это у всех на виду на пешеходной части. Достав заготовленную заранее семисотграммовую стеклянную банку, Федя нагнулся к малышу, чтобы стянуть с него мешающие сбору ингредиента шортики.

– Извращенец, – раздался визгливый женский голос с нотками истерики прямо над бедной головой курсанта.

Стоило только Ганге поднять голову, чтобы взглянуть на обладательницу неприятного голоса, как звонкая пощечина вцепилась в его физиономию.

Интересно, карается ли покушение на почти сотрудника милиции почти при исполнении?

– Я ему покажу, как над детьми издеваться, – басовито проревел здоровенный амбал, не уступающий Феде в росте, но гораздо шире в плечах. Вероятно, дядя Семен.

«Нет, не карается», – решил Ганга и по-английски, без объяснений слинял.

Все! Терпение его лопнуло. Он больше не может преследовать ускользающих прямо из рук детей. Пусть сифилис сожрет молодое, здоровое тело Ганги. Пусть подавится, если такое возможно. А он больше ни за что не будет приставать к малолетнему контингенту.

Так думал Федор, выходя из ворот парка и решительным шагом направляясь в сторону остановки. По привычке Ганга шел, опустив голову вниз и изучая ноги. Это приводило к тому, что парень не всегда вписывался в повороты, промахиваясь мимо них или натываясь лбом на стены. В очередной раз соприкоснувшись с каменной кладкой, Федор поднял глаза, чтобы обmaterить строителей, понастроивших дома где ни попадя, и наткнулся на объявление. Детскому саду, которому принадлежала вышеозначенная стена, требовался дворник. Решение нашлось само собой. Оно было простым, а, следовательно, обещало оказаться логичным.

Воспрянув духом, не сдающийся ни перед какими трудностями курсант решительно толкнул калитку и вошел во двор сада.

* * *

Тем временем в общежитии школы милиции учащиеся третьего курса времени даром не теряли. Стоя кружком над обеденным столом, курсанты склонили свои головы и о чем-то напряженно спорили.

– Первым делом нужно прочесать все рынки. Там этой мелкой шушеры много. Может, и дурковеды затесались.

– На рынках карманники в основном, а вот сумки тащат на вокзалах и в аэропортах.

– Ага, хозяйственные и чемоданы. Речь идет о дамских сумочках.

– Может, в мундире приготовим, чтобы долго не возиться?

Все взглянули на Пешкодралова, прервавшего умную беседу, и хором ответили:

– Готовь.

Причем лица у них были совсем не доброжелательные. Леха пожал правым плечом, не понимая, чем он так разозлил однокурсников, и занял пост у плитки. Его немного злило то, что «дежурным по кухне» чаще всего назначался он. Но, с другой стороны, если так надо для общего дела, то он готов и потерпеть.

– Нечего гадать, – возобновил обсуждение плана действий Кулапудов. – Давайте посмотрим, что нам предоставила милиция. – Он зашуршал бумагами. – Судя по количеству краж, мы имеем дело не с дилетантом. Чтобы совершить столько грабежей и не попасться, требуется опыт. А у всех закоренелых преступников есть свой почерк, излюбленные места совершения преступлений. Нам только нужно разгадать, в чем же он заключается.

Итак, заявили о пропаже сумочек шесть потерпевших, двое из которых – пенсионерки, возраст же остальных колеблется от восемнадцати до тридцати пяти лет. Довольно-таки большой диапазон. Значит, преступник выбирал своих жертв, не глядя на возраст. Смотрим дальше. Места краж: городской парк, рынок Привокзальный, пересечение улиц Вертикальной и Горизонтальной, троллейбус девятого маршрута... – Кулапудов молча пробежал глазами по строчкам, промывая что-то себе под нос с перечислительной интонацией. – Разброс по всему городу. Это усложняет задачу.

– Может быть, у них манера воровать одна и та же?

Например, вырвать сумку из рук, проезжая мимо на мотоцикле, – предположил Антон Утконесов.

– Маловероятно, – возразил Кулапудов. – В троллейбусе это сделать практически невозможно.

– А что по этому поводу говорят потерпевшие?

– Гражданка Куролесова, будучи на массовом гулянии по случаю Дня молодежи, в двадцать три ноль-пять выпустила сумочку из рук всего на пару минут, чтобы сделать особо сложное па с одним из новых знакомых. Когда Куролесова вернулась за ней, сумочки уже и след простыл.

Зайцева О. А. утеряла свою сумку в троллейбусе. В какой момент это произошло, она не помнит. Была давка, сумочка висела на плече. Обнаружила же пропажу пострадавшая только перед выходом из транспорта. Беглый осмотр вещей пассажиров результатов не принес.

Вору удалось скрыться.

А вот и твой, Антон, случай. Придорожная Н. П. возвращалась с работы домой, когда неизвестный на мотоцикле сорвал сумочку с ее плеча и скрылся.

Однозначно, здесь нет никакого общего почерка. Напрашивается вывод: либо в городе действует не один вор подобного профиля, либо он умнее, чем мы думаем, и ведет тонкую игру, стараясь не засвечиваться на таких общеизвестных моментах, как почерк преступления.

– А может, наоборот, слишком глуп, чтобы выработать какой-то определенный собственный метод? – предположил Санек Дирол.

– Тогда бы он попался.

– Да ладно. Скажи лучше, что менты не захотели время тратить на такую шушеру, а потому просто не занимались этим делом, сплавив его нам, чтобы глаза не мозолило.

– Это кого ты назвал ментами? – возмутился из своего угла Леха, вскипев не хуже кастрюли на плитке, которая выплеснула наружу изрядное количество бурлящей воды.

– Не будем спорить, горячие парни, – прервал намечавшуюся распрю Кулапудов. – Возможно, Дирол и прав.

Но первое правило настоящего следователя по словам полковника Подтяжкина звучит так: «Лучше противника переоценить, чем остаться без зарплаты».

А полковник мужик дельный, зря советов давать не будет.

Не удовлетворенный результатом спора, Пешкодралов насупил, сдвинув брови у переносицы и, подхватив неотстирывающимся серым полотенцем кастрюлю, вышел из комнаты сливать воду.

– С чего нам стоит начать? Не прочесывать же весь город, выискивая в толпе личностей, подозрительно смотрящих на дамские сумочки, – возобновил совещание Андрей Утконесов.

– Думаю, не стоит. – Венька опять взял инициативу в свои руки и повернулся лицом к Андрею. – Здесь нужно знание психологии преступника. Вот я бы, будь на его месте, ни за что не стал совершать повторного преступления в одном и том же районе. Как знать, может, там уже засада и опера ждут меня, чтобы поймать с поличным.

– То есть в ближайшее время дурковеда не стоит ожидать в тех местах, где он уже совершал кражи? – уточнил Санек.

– Вот именно. И теперь наша задача – выделить на карте районы краж и определить пункт, наиболее подходящий для следующего правонарушения.

Все склонились еще ниже над столом, прошелестев листами.

Венька поднял руку над головой, не глядя нащупал книжную полку, с которой стянул черный маркер. Заскрипел кончик маркера по бумаге.

Несколько секунд все напряженно молчали, следя за действиями Кулапудова, а потом, как по команде, откинулись назад.

– Что-то не то у нас получается, – озадаченно произнес Зубоскалин, с сомнением почесывая пятерней коротко стриженный затылок. – Преступник или группа преступников уделяют свое внимание как людным местам – рынкам, вокзалам, центральным улицам, – так и ничем не примечательным улочкам. Не похоже на то, чтобы занимался кражами один человек. Ничто, ни одна мало-мальски стоящая зацепка не связывает эти преступления.

– А у меня все готово, – раздалось из дверей, и в комнату вошел Леха с изысканно перекинутым через руку все тем же серым полотенцем и дымящейся кастрюлькой.

Венька разрешил ставить на стол блюдо. Нацеленные на центр стола головы отодвинулись, позволяя кастрюле проплыть мимо них и водрузиться рядом с большой картой города, которую Пешкодралову наконец-то удалось рассмотреть. Круглые пометки, сделанные черным маркером, выделяли, как правильно понял Леха, места совершения краж.

– Что-то они мне напоминают... – озадаченно пробурчал себе под нос парень.

Ребята переглянулись.

– Что именно? Попробуйте вспомнить как можно подробнее, тем вы поможете следствию, – увлекшись игрой в сыщика, официальным тоном спросил Венька.

– Да не знаю я, – задумавшись, ответил Леха.

– Че тогда голову морочишь? – прикрикнул на него Зубоскалин и выхватил из кастрюли заманчивый экземпляр картошки, треснувший вдоль и рассыпчато выказывающий из-под кожуры постороннему взгляду свое нутро.

Картошка обожгла пальцы, одновременно вызвав несанкционированное выделение слюны. Санек шумно втянул воздух, перебросил картошку с руки на руку и положил ее на заблаговременно расстеленную газету «Криминальная хроника».

С бумажного листа прямо на него исподлобья смотрела физиономия отпетого преступника, находящегося в розыске. Тяжелый взгляд пристально изучал Дирола, отбивая аппетит. Санек недовольно сморщился, сделал рожу уголовнику и прикрыл его картошкой, чтобы не портил настроение мирным гражданам.

Пока Санек переглядывался с портретом, Леха успел сбегать к холодильнику и раздобыть оттуда порезанную и щедро политую пахучим подсолнечным маслом селедку с колечками лука. Странное расположение окружностей, нарисованных Кулапудовым, опять заставило Леху задуматься.

Что же они ему напоминали? Леха застыл на месте, мучительно соображая.

Ладонь сама собой предательски ослабла, отчего тарелка накренилась, сбросив с себя блеснувшую на солнце жирную каплю масла. Она упала на карту в районе улицы 50-ти лет Пионерского движения, неаккуратно расплывшись темным пятном. Пятно пришлось точно по центру между художествами Кулапудова, отчего все вокруг позеленели, а Пешкодралов радостно воскликнул:

– Как у моей мамы!

Зубоскалин, открывший было рот, чтобы сказать что-нибудь едкое человеку, испортившему столь важную в расследовании карту, услышав Лешкин крик, решил подождать с замечаниями и послушать.

– Сумка! – радостно орал Леха. – У мамы моей точно такая сумка!

Ребята нагнулись над картой, силясь рассмотреть на ней хотя бы намек на сумочку мамы Пешкодралова. Ничего не получалось.

– Да вот же она, – удивляясь непонятливости сокурсников, сказал Леха. Он схватил маркер и провел линии, соединяя пометки Кулапудова.

Сам собой вырисовался старомодный ридикюльчик, который при богатом воображении вполне мог бы сойти за современную сумку. Жирное же пятно мясисто поблескивало в центре, изображая собой металлическую застежку. Утконесовы в унисон присвистнули, с ходу взяв ля первой октавы.

– И твоя мама такое носит? – еле сдерживая улыбку, удивился Зубоскалин, разглядывая раритетный фасончик.

– Да, – с гордостью произнес Леха, не заметив сарказма в голосе товарища. – Эту сумочку ей отец в восемнадцать лет подарил, когда свататься из другого села пришел.

– Так сумочка старше тебя?

– Угу. Раньше все крепким, добротным делали. Отец, когда через Мордвинку переплывал, коротким путем в мамкино село, так сумочку эту всю насквозь промочил, а ей хоть бы что. Хорошо, что догадался именно ее купить, а то ведь поначалу хотел мыло. А оно бы в реке напрочь размякло.

– Да, это хорошо, что он с сумочкой свататься решил, – поддакнул Дирол. – А не с корытом или со снастью рыболовной.

– Или с «Раптором» паршивым, – продолжил Андрей. – ...или с «Олд Спайсом» опять же, – поддержал брата Антон.

Леха задумался, озадаченно взглянув на товарищей.

– Да не, ребят, – убежденно сказал он. – Тогда «Рапторов» не было.

* * *

Господи, и что Федор раньше не догадался в садик пойти?

Детей тут – больше, чем в парке, раза в два. И ни одной мамашки. Только воспитательницы, нянечки и заведующая в единственном экземпляре.

Заведующая, кстати, ничего, добрая женщина. Она с радостью приняла Гангу в своем кабинете, как только узнала, по какому вопросу тот пришел. Еще бы не обрадоваться. Мужчина в их детском саду – это редкость. На работу с зарплатой, положенной по штатному расписанию дворнику, ни один нормальный человек идти не собирался. Вот и приходилось брать то алкоголиков, которых можно было наблюдать только до первой получки, то древних пенсионеров, с трудом держащих в руках метлу.

А ведь ею не плохо было бы еще и махать. И вдруг заходит в кабинет молодой здоровый человек, просится на должность, причем так рвется работать, что готов приступить к исполнению своих обязанностей прямо сейчас, не дожидаясь, когда будет оформлена трудовая.

Через пятнадцать минут после разговора с заведующей Ганга уже стоял в садиковом дворе с метлой в руках и с улыбкой на устах.

Персонал детского заведения, как несложно было догадаться, состоял исключительно из женщин, которым по природе положено быть любопытными.

Не успел Федор пару раз махнуть своим орудием, как мимо него промчалось трое нянечек, якобы в прачечную за сменой белья, две воспитательницы с непонятым осмотром площадки их групп, солидных размеров повараха – срезать петрушки с клумбы под окном, и музработник без видимой причины.

У Феде аж в глазах зарябило. А потом все пространство огласилось невероятным шумом, и изо всех дверей высыпало такое количество ребятни, какого парень отродясь не видывал.

– Дети, это наш новый дворник, – поучительным тоном заговорила воспитательница. – Его зовут... Кстати, как вас зовут?

В глазах молоденькой, маленькой и хрупкой рядом с исполином Гангой воспитательницы с веселыми ямочками на щеках забегали искорки, которые красноречиво говорили о том, что интересуется она именем Ганги не столько для детей, сколько для себя. Парень смутился, вспомнив о своей болезни, и решил пока с девушками не заигрывать, дабы не стать распространителем страшного вируса.

– Федор Мамадумович Ганга, – как можно более официально ответил он и сделал вид, что его очень занимает работа.

– Федор Мадурович, – повторил один мальчик.

– Не Мадурович, а Мандумович.

– Лидия Алкадьевна, а почему он Маманович? У него, что ли, мама папой была?

Федя зашевелил метлой быстрее, скоро сдвигаясь вправо, где находился спасительный закуток, за которым его никто не увидит. Что за странный народ эти дети? С ними сложнее, чем с закоренелыми преступниками.

Поведение преступника можно вычислить путем логических умозаключений, вывести его на чистую воду и предугадать дальнейшие действия. Реакцию ребенка предугадать невозможно. Это как находиться на спящем вулкане – никогда не знаешь, когда рванет.

Воспитательницы развели своих детей по площадкам, и тротуар перед фасадом здания остался относительно свободным. Только приبلудный кот Максим крутился возле окон кухни, улавливая несъедобный запах манной каши на разведенном молоке. Федор вышел из своего укрытия и огляделся. Никого. Пора было действовать. Дежурно помахивая метелкой, Ганга, все время озираясь, мелкими приставными шагами приблизился к служебному входу детского сада, воровато протянул руку за спину и толкнул дверь. Она поддалась сразу, скрипнув несмазанными петлями.

От неожиданности Ганга вздрогнул и интенсивнее заработал метлой. На этот раз он решил никому на глаза не попадаться при совершении сбора необходимого продукта, а потому действовал крайне осторожно. Убедившись, что никто не услышал предательского скрипа двери, Федор сгруппировался, втянув в себя живот, плечи и прочие выпирающие части тела, и просочился в узенькую щель.

Коридор оказался свободным. Никто не проходил по мозаичному кафельному полу, ничья тень не отбрасывалась на стены, уделанные самодельными панно, аппликациями, пучками сушняка, изображающего цветы, и банальными детскими рисунками. Поставив орудие труда в угол у двери, Ганга осторожно, на цыпочках, направился вперед. Крадучись, он заглядывал во все встречающиеся двери до тех пор, пока не обнаружил за одной из них комнату с большим количеством игрушек. Федор догадался, что именно здесь находятся основную часть своего пребывания в саду дети.

В небольшом закутке с распахнутой настежь дверью журчала вода. Там кто-то мыл посуду. Это привносило определенный риск в операцию, но с некоторых пор Гангу трудности только подзадоривали. Следующее за моечной помещение выложено было бело-голубым кафелем, из чего Федор сделал вывод, что это то самое место, куда ему следовало бы пробраться. Нянечка, моющая посуду – а это была она, – казалось, ничего не замечала. На всякий случай Федор молниеносно лег на пол и бесшумно пополз мимо моечной по-пластунски. Проползти надлежало немного, метров тринадцать.

«Несчастливое число», – машинально подумал Ганга, продвигаясь по игровой комнате «аки гад ползучий».

Первоначально следовало преодолеть группу обеденных столов до ненормальности мелкого размера. Ради конспирации неплохо было бы проползти под ними. Так, кстати, и путь срежется. Парень нырнул под первый стол, оказавшись отрезанным от внешнего мира тонкими деревянными ножками стульчиков, обильно окружавших его. Неожиданно шум воды стих.

Наступившая тишина заставила Гангу вздрогнуть. Федор сжался в комок, затаившись в своем укрытии.

Нянечка, окончив мыть посуду и сменив «Калина красная» на «Ой, кто-то с горочки спустился», плавающей походкой вырुлила из моечной, направившись к столам. Ганга изо всех сил постарался слиться с окрестностью, маскируясь за паучьими ножками стульев. Однако женщина не собиралась заглядывать под стол и кричать на всю округу, что поймала вора. Толстые, со вспухшими венами и обильно поросшие темным волосом ноги в красных домашних тапочках оказались прямо перед лицом курсанта, временно замещающего вакантную должность дворника. Ганга услышал, как мокрая тряпка шлепнулась о стол. Нянечка смахивала со стола крошки.

Федор напряженно следил за ногами, топтавшимися на одном месте, так и намеревающимися наступить на нервно подрагивающие пальцы.

Как ни старался парень сложиться компактно под плоскостью стола, пальцы, упирающиеся о пол, предательски старались выскользнуть наружу прямо под пресс красных тапочек.

Народные напевы стихли, и женщина направилась обратно в моечную, положила там тряпку, после чего, прихватив ведро, удалилась в спальную комнату. Ганга с минуту прислушивался, но нянечка не возвращалась.

Путь к цели оставался свободным на неопределенный срок. Эх, Федька бы выстлал его красными ковровыми дорожками, усыпал бутонами роз!

Торжествующая его душа уже слышала триумфальные звуки фанфар, а также пиликающий звук, характерный для победы в компьютерной игре после прошествия всех туров. Оставалось только ворваться в финальный гейм и захватить приз.

Можно было бы вылезти из-под стола и смело шагнуть к двери, принявшей в глазах курсанта образ небесных врат. Но парень не торопился.

Слишком много на сегодня у него случилось проколов. Так дальше продолжаться не могло. Отбросив в сторону глупое ребячество, Ганга отодвинул вправо стоявший на пути стул и продолжил свои поползновения.

Предстояло преодолеть еще два обеденных стола и свободный отрезок пути метров в пять. Первое препятствие в форме стола преодолено было без сучка и задоринки: ни один стул не грохнулся, ни один не упал. На подходе к следующей преграде Федор услышал приглушенные голоса, тревогой отозвавшиеся в сердце. Гул десятков детских голосов, приближаясь, нарастал, наступая лавиной на уши нового дворника. Ганга юркнул под третий стол и затаился.

Как раз вовремя. Несколько секунд спустя в групповую комнату ввалила шумная толпа ребятни, вернувшейся с прогулки.

– Ребята, моем руки и садимся за столы, – прозвучал уже знакомый Федору голос воспитательницы.

– Лидия Алкадьевна, а что у нас будет на ужин?

– Манная каша.

– Фу-у-у.

По светло-коричневому линолеуму затопали детские ножки в сандаликах, туфельках, тапочках и просто в носочках. Все рванули в ту дверь, которая еще минуту назад обещала открыть бедному курсанту райские кущи. Зажурчала вода, вырвавшаяся из плена водопроводных труб.

Коричневые сандалики с порванным ремешком, голубые гольфики и сбитые пыльные колени подошли к столу, под которым сидел лазутчик. Выше Ганга не мог разглядеть малыша по причине того, что сквозь столы вообще он не научился видеть. Худенькие ножки в сандаликах нерешительно потоптались, а потом присели на корточки. Обладателем их оказался мальчик с непослушной черной челкой и худым изможденным лицом.

– Ой, – удивился он, – а раньше я тебя здесь не видел.

– Я только сегодня сюда приполз, – шепотом, чтобы никто более не услышал, сказал Федор.

– Ты здесь будешь жить? – тоже перейдя на шепот, спросил мальчик.

Ганга утвердительно кивнул. Непонятно, зачем он соврал малышу и чего хотел этим добиться, но почему-то подумал, что так надо.

– А можно, я с тобой посижу? Я мешаться не буду.

Просто сейчас Лидия Алкадьевна будет всех манной кашей кормить, а я ее не люблю. Ты меняпустишь?

Мальчик посмотрел таким молящим взглядом, что у Ганги ком к горлу подкатил, а на глаза навернулись предательские слезы.

Он был болен, покрыт безобразными нарывами. Но с другой стороны, болезни, передающиеся половым путем, посредством бытового контакта не передаются. Это Федор знал еще со школы. А мальчишка выглядел очень несчастным.

– Скорее думай, а то воспитательница нас увидит, – попросил малыш.

Это помогло парню решиться. Ганга подвинулся, расчистив небольшой пяточок рядом с собой, и махнул ребенку заходить. Мальчик юркнул под стол и уселся на корточки. Вместе оказалось так тесно, что Федя понял, слишком глубоко дышать не стоит, дабы выпирающие от вдоха бока не выглядывали из-под стола. Мальчик оглядел свое временное убежище и остался доволен.

– Здесь уютно, – заметил он. – Лучше, чем дома. И жвачка есть.

Он поковырял ногтем у края деревянной доски, на которую какой-то запасливый ребенок прилепил изжеванную резинку, и бросил серый комочек в рот. Выражение любопытства на лице сменилось удовольствием.

– Это лучше, чем манная каша, – пережевывая, сказал малыш. – А я знаю, кто ты. Ты – Маманович, наш новый дворник. У нас дворников много было, только они под столами не жили. А ты теперь здесь всегда будешь?

Размышления вслух ребенка прервались неожиданно. Шумная толпа детворы вырвалась наружу из помещения санузла и стала занимать места за столами. Перед взором Ганги возникли и повисли на маленьких стульчиках детские ножки: и опрятненькие в беленьких носочках и чистеньких туфельках, и с грязными разводами на икрах, и с болячками на коленях, и с собранными гармошкой у щиколоток гольфиками. Все эти ножки ерзали, устраивались поудобнее, раскачивались взад-вперед, покушаясь на неприкосновенность будущего защитника закона. Пришлось вспомнить занятия по рукопашной, а именно тему номер пять: «О тактике непротivления и приемах уворачивания от нападения». Семь раз удалось выказать чудеса, извиваясь в узких рамках ограниченного пространства. Причем делалось это без единого лишнего звука. Федя извивался, словно угорь на сковородке, приводя тем самым в восторг своего нового знакомого, которого словно специально обходили стороной непоседливые ноги.

– Семь – ноль в нашу пользу, – подсчитывал он очки. У малыша округлились глаза, в которых смешались благоговейное восхищение и азарт заядлого болельщика. – Восемь – ноль.

Черт, какой досадный хук!

Когда две пары сандалий и одна кроссовка решили одновременно заехать в Гангу с трех разных сторон, парня подвела реакция вкупе с возможностями тела. Изогнуться ломаной с тремя перегибами даже сама Костоломова не смогла научить своего подопечного. Кроссовка целенаправленно впечаталась в покрывшийся бусинками пота лоб и в изумлении замерла.

Федор с малышом тоже постарались не двигаться и по возможности не дышать. Рядом с коленками появилась кудрявая голова, заглянувшая под стол и торчащая вверх ногами.

– Вы так играете? – поинтересовалась голова.

– У нас серьезное дело, не мешай, – отрезал Федин знакомый. – Мы плячемся от Лидии Алкадьевой.

– А-а, – понимающе протянула голова и исчезла, поднявшись наверх.

Ганга облегченно вздохнул. Пронесло! Он уже думал, сейчас мальчишка закричит, испугавшись большого дядьки, воровски спрятавшегося под столом. А тогда прибежит воспитательница – и прощай неуловимый ингредиент. Выскользнет опять из-под самых рук, издевательски похихикав в лицо.

– А там Сухоруков дворника привел. Он тоже манную кашу не любит, – раздалось над столом. – Они вдвоем под столом сидят.

Вот этого говорить не следовало. Детские души не менее любопытны, чем женские, только цель у их любопытства значительно разная: женщина старается быть в курсе всех событий, чтобы с упоением растрезвонить подругам последние сплетни, а ребенок сует свой нос во

все щели ради того, чтобы развиваться и узнавать новое. Исключительно по этой причине, а не по какой другой, под крышкой стола стали появляться и исчезать детские головки, крайне заинтересованно окидывающие взглядом Федора.

С разных сторон стола полетели фразы:

– Это теперь его домик будет?

– Давайте, мы о нем будем заботиться. Как о Хомке, хомячке.

– А чем дворников кормят?

– В зооуголке есть корм для рыбок.

– А ты будешь нашим Хомкой?

Ганга, сложенный втрое под маленьким столом, давно отлежавший левую руку и ногу, безнадежно уронил голову на холодный линолеум, издав протяжный, мучительный стон.

– Дети, как вы ведете себя за столом? – прозвучал голос воспитательницы.

Федор уже и забыл, что в заведении, подобном детскому саду, может оказаться взрослый. Только теперь он обратил внимание на то, что за все время общения с детьми он ни разу не услышал голоса воспитательницы.

Вероятнее всего, она выходила из комнаты, хотя парень утверждать этого не стал бы. И так, девушка задала вопрос.

– Сядьте все ровно.

– Не выдавайте нас, – шепотом попросил противник манной каши.

– Не шамневайся, – заверила полненькая девочка с отсутствующими двумя передними зубами. – Не жаложим.

Дети сдвинули коленки, выпрямили спинки, замерли. Их идеальная поза напомнила Феде занятия по строевой подготовке в школе. Как жалко было ребят, с раннего возраста вкусивших терпкий вкус дисциплины.

В группе повисла тишина. Напряжение охватило Гангу, и струйки пота зашекетали по спине. Он посмотрел на своего соратника, с философским спокойствием пережевывающего жевательную резинку, и восхитился его самообладанию. Ни один мускул не дрогнул на мужественном, бледном лице малыша. Не то что у Ганги, мучимого нервным тиком.

– А где у нас Сухоруков? – заметила пропажу воспитанника Лидия Аркадьевна. – Он еще не помыл руки?

Федор почувствовал, как волосы на голове тревожно зашевелились, а уголок рта, дернувшись, упал вниз. Сухоруков же словно не слышал роковой фразы, жевал себе и любопытно рассматривал «ожившие» волосы курсанта.

– Нет. Он, што ли, под штолом, – тоненьким голоском ответила девочка, обещавшая не заложить.

– Под столом? – изумилась воспитательница. – Сухоруков, ты что там делаешь?

– Лидия Алкадьевна, я здесь от манной каши плячусь. – Мальчик посмотрел на Федора серьезными, водянисто-голубыми глазами. – И в гости к Мамановичу зашел. У него немножко тесно, зато интелесно и жувачки налеплены.

Ганга кожей почувствовал изумленное недоумение, источаемое воспитательницей, а заодно навечно попрощался со своим здоровьем, оставшимся в далеком, беззаботном прошлом. Перед его глазами возникли ноги в модельных туфельках. Наклонилось лицо, вытянутое в непонимающую мину. Федор не знал, куда себя деть. Если бы можно было раствориться в воздухе, пусть даже без последующего материального воплощения, он бы не задумываясь растворился. Но наука пока не знает способа перехода человеческого существа в газообразное состояние.

– Наверху так жарко, – невпопад хриплым голосом выдал из себя курсант и понял, что влип по самые уши.

5

– Итак, – меряя широкими шагами скромных размеров комнату и заставляя всех остальных вжиматься в ветхие стены общежития, разрабатывал план Кулапудов. – Место следующего преступления нам известно. Это плюс. И весомый плюс. Определенно следует устроить там засаду и ловить преступника с поличным. И чем скорее мы начнем операцию по поимке дурковед, тем больше вероятности того, что мы его поймем.

– Эх, жалко, нас от занятий не отстранили, – сокрушенно произнес Дирол. – Вдруг злоумышленник совершит свое черное дело в первой половине дня, а мы как дураки будем сидеть на какой-нибудь патологоанатомии. Опять же и времени для решения личных вопросов больше было бы.

– Скажи уж сразу, что именно личные вопросы тебя волнуют в первую очередь, – с упреком произнес Леха. За время совещания у них зародилась и катастрофически разбухла распря, основанная практически на пустом месте. Неудачно брошенное Зубоскалиным слово «мент» не было забыто принципиальным и заикливающимся Пешкодраловым, и ссора разрасталась со скоростью несущегося с горы снежного кома.

– А если и так? – с вызовом спросил Зубоскалин. – Тебе разве не хочется потусоваться с девчонками?

– Мне хочется ловить преступников.

– Ага, значит, мальчиков предпочитаешь.

Густая краска залила лицо Пешкодралова, перекинувшись на уши и остриженный под машинку затылок. Дирола Леха уважал, как, впрочем, и всех своих сокурсников, но порою тот был просто невыносим. Когда откалывал свои номера перед преподавателями, например. Этот несносный индивид с плоскими шуточками словно специально с каждым днем развенчивал перед Пешкодраловым образ российского милиционера. Неколебимого, честного, неподкупного и – что самое главное – серьезного. Ну разве Санек сможет с достоинством на лице пройти по Дрыщевке, гордо неся символ власти – полосатую палочку? Да ни в жизнь. Если бы Леха там, у себя в деревне, знал, какие типы идут в российскую милицию, он бы, может, и не пришел сюда за двести километров учиться. На автобусе бы приехал.

Леха лихорадочно соображал, что бы такое сказать в ответ на неслыханное оскорбление, но никак не мог придумать что-нибудь едкое и остроумное. Это злило еще сильнее, заставляя распляться и без того помидорного цвета уши. Был бы Пешкодралов сейчас дома, он бы нашел, как поставить на место заносчивого сокурсника: врезал бы промеж глаз – и вся недолга. У них в Дрыщевке всегда так споры разрешаются, по-простому.

Леха почувствовал, как зазудели непроизвольно сжавшиеся в кулаки ладони.

А почему бы и нет? Как долго ему еще терпеть этого доморощенного сатирика?

На Лехином лице всегда отражались чувства, испытываемые им на данный момент, и мысли, если таковые бывали. Все, что происходило у него внутри, с внешней стороны читалось как по книге. Сейчас Пешкодралов походил на быка, которому показали красную тряпку, и это стало нервировать Дирола. Он прекрасно помнил, с каким рвением Леха поражал воображаемого противника на учениях. Впору было ретироваться подобру-поздорову, но Санек, привыкший оставлять последнее слово за собой, чисто машинально, не по злобе душевной, а исключительно по инерции, бросил:

– Посмотреть бы на мамочку, что родила такого сына.

И здесь Санек совершил ошибку, да еще какую. Леха мог вынести многое, но маму трогать... Обстановка накалилась до предела, напоминая кадры из американского боевика. Спасти положение могло только чудо. И чудо случилось.

– ДОБЫЛ! – громом прокатилось по комнате, оглушая находившихся в ней людей.

Крепкие парни, тренируемые самой Костоломовой, вздрогнули и, приняв боевую стойку, обернулись ко входу, ожидая появления коварного злодея.

Дверь была широко распахнута. Из коридора лил яркий электрический свет, говоривший о том, что, решая проблему, ребята не заметили, как засиделись допоздна. В ослепительных лучах огромная фигура сияла улыбкой не хуже электрической. Она пережевывала жвачку, подаренную Сухоруковым, прищуривала глаз, заплывший от неудачного броска Туруктаевой во время игры в мяч, прижимала к груди клочок бумаги, на котором были записаны адрес и телефон молодой воспитательницы, но самое главное, высоко над головой, в двухлитровой банке она держала предмет своего торжества – его. Ингредиент.

Излучающая божественный свет фигура сделала шаг вперед и очутилась в стенах комнаты. Дверь захлопнулась, скрыв за собою сияющую ауру. Теперь курсанты видели, что перед ними не святой Петр и даже не херувим какой-нибудь, а их товарищ, Ганга, по-прежнему растягивающий рот в глупой улыбке, во всем же остальном вполне обыкновенный, если не считать увеличившиеся за время отсутствия прыщи.

– Почему так долго? – сразу же возмутился Кулапудов. – Тут дело нужно решать, не терпящее отлагательств, а назначенный мне в помощники курсант неизвестно где прохлаждается. Все самому приходится, все самому.

– Я же лекарство добывал, – оправдывающимся голосам произнес Федя.

– Че пристал к мальчишке? – заступился за него Зубоскалин. – Парень старается, чтобы престиж российской милиции не уронить. Где вы видели следователей с провалившимся носом?

– Опять же, и следить за преступниками, оставаясь незамеченным, станет сложнее, – поддакнул Антон.

– Ага, сливаться с окрестностью, когда ты черный и с отсутствующей частью тела, проблематично, – прибавил брат.

– Но можно было хотя бы побыстрее вернуться?

Ганга вздохнул. Эх, знали бы они, как сложно было добыть эти неуловимые литры. Федор уставился в пол, задумавшись, и погрузился в воспоминания.

Лидия Аркадьевна не подняла крик и не стала изображать панику, хлопаясь в обморок или бросаясь на «вора» в рукопашный бой.

Нет. Она просто удивленно приподняла брови, округлив светло-каштановые, с зелеными крапинками глаза, и предложила Ганге занять более удобную позицию. Например, за столом воспитателя. Привыкшая к самым неожиданным со стороны детей поведенческим реакциям, она не стала проводить допрос.

Спокойно, ненавязчивым тоном, словно мама в детстве, предложила чашечку компота и, сев напротив, подперла щеку маленькой ладошкой, молча ожидая объяснений. И сейчас перед Фединым взглядом стоят глаза с зелеными крапинками.

Федор и не заметил, как выложил этой женщине все, о чем боялся говорить посторонним. Только об истинном своем заболевании не смог рассказать. Что-то его останавливало. Может быть, искорки цвета листвы? Лидия Аркадьевна сама избавила парня от тяжелых объяснений, предположив, что у него банальная ветрянка. Федор же не стал ее переубеждать и обманывать не стал. Просто промолчал, предоставив девушке возможность самой домысливать.

А потом все пошло как по маслу. Лидия, как про себя стал называть ее Федор, после ужина отправила детей в туалет, и через десять минут перед глазами Ганги стоял стройный ряд наполненных беленьких горшочков. Оставалось только рассортировать их, отставив инвентарь мальчиков отдельно от емкостей девочек, согласуясь со списком, и дело в шляпе. И как тут не ликовать Феде, после неожиданно простого решения сложной проблемы? А Венька говорит, быстрее. Никак нельзя было быстрее.

– Пока ты там прохлаждался, – не унимался Кулапудов, – мы здесь времени зря не теряли, разработав план всей операции по поимке дурковедов. В вопросе стратегии особенно отличился Леха Пешкодралов. Скажи ему спасибо – голова парень.

Леха приосанился, гордо перекинув через плечо в жирных пятнах полотенце.

– Спасибо, – машинально произнес Ганга, не отвлекаясь от приятных воспоминаний, не вполне соображая, кому он говорит слова благодарности и за что. Может быть, Лидии за ее понимание?

Зардевшиеся мягкие щеки Пешкодралова показали, что парень принял все на свой счет.

– Ребят, предлагаю всем спать, – широко зевнув, пробормотал Санек. – Поздно уже.

Леха раздраженно скрипнул зубами. Вот так всегда Дирол все испортит.

* * *

Сон в эту ночь Веньке приснился ужасный. Мало того, что, мучимый возложенной на него ответственностью, Кулапудов долго не мог заснуть, так еще и это.

Он вроде бы попал обратно к своим бывшим друзьям в компанию не из-за того, что вновь испортился и стал отпетым хулиганом, а с благородной целью внедриться в общество правонарушителей и выявить злостного похитителя дамских сумочек. Паленый недоверчиво окинул его взглядом, смачно сплюнув на разогретый солнцем асфальт.

– А-а, болонь недоделанная, – процедил он сквозь зубы, смакуя ругательства, – в серый дом втянуть причапал или стрелком заделаться решил?

Венька стал объяснять, что ничего плохого ни Паленому, ни всей остальной братве он делать не хочет. Что зашел исключительно по старой дружбе, спросить, как дела, а заодно и вопросик небольшой решить: не знает ли кто о дурковедах, появившихся в городе? Услышав об этом, Мясо громко рассмеялся, прикрывая беззубый рот руками, а Паленый почесал закинутую на стол ногу и недобро окинул Веньку взглядом.

– Перья офицерские на нас заработать хочешь? – сделал вывод он. – Не суй рога в дела аристократов, мы с мусорами дела не имеем.

Тут Венька бросился еще что-то объяснять, припомнил «золотые» деньки, когда с Паленым они в дружбе были.

Венькины слова почему-то действие имели не сказать чтобы адекватное. Паленый, и Мясо, и Санта– Клаус, и все остальные, мучимые злобой, медленно, но верно наливались иссиня-зеленой краской и, перешептываясь, о чем-то договаривались. А потом Паленый прервал все его излияния еле заметным движением руки.

– Мы тебе поверим. – Венька облегченно выдохнул, мысленно поблагодарив святого Вениамина, если таковой обитает в кущах небесных. – Но только за время твоего отступничества законы блатных слегка изменились. Слишком много среди полуголодных дятлов развелось.

Стучат вашему брату, как стенографистка по клавишам, без умолку.

Венька сразу заподозрил что-то неладное в его словах. Воровские законы не переписываются – это тоже своего рода закон. Паленый ловит его на удочку, а Венька должен слотнуть наживку, иначе нельзя.

Ради дела нельзя.

– Короче, что от меня требуется? – посуровев, спросил он напрямик.

– Испытание, – коротко ответил Паленый и сделал знак Санта-Клаусу, – гони-ка подарочек.

Что тут началось! Венька готов был встретить любую трудность, но не эту.

Неизвестно, что там сделал Санта-Клаус. Кулапудов не запомнил или просто не видел в своем сне. Только сразу вдруг почувствовал этот удушающий запах, закладывающий все: горло, нос, слезящиеся глаза.

Казалось, он даже через уши пытается пробраться в тело Вениамина, разрушая на своем пути здоровые клетки организма. Горло перехватило, и парень закашлялся. Первоначально предполагая стоять до конца, не поддаваться панике и садистским замашкам бывших дружков, теперь Венька почувствовал, что вынести этого не смог бы сам Кошевой. Фашисты так не пытали. А Палену хоть бы что. Да и остальным тоже. Стоят себе спокойно и ухмыляются.

Прохрипев пару раз сдавленным спазмами горлом, Кулапудов бросился к спасительному выходу. Но не тут-то было. Дверь как нарочно заклинило, а резкий, липкий запах обволакивал все сильнее и сильнее, овладевая Кулапудовым и заставляя ронять слезы от безнадеги.

– Пусти-ите-е меня! Я не хочу-у-у! – в отчаянии выкрикнул он, чувствуя, как всепоглощающий запах разрушает сознание, приводя в полубморочное состояние.

* * *

– Пустите меня! Я не хочу-у-у! – кричал Кулапудов.

Он метался по казенного вида кровати, хватаясь руками за горло. Крупные капли пота горошинами стекали с измученного лица, оставаясь серыми пятнами на наволочке.

Кошмарный сон долго не мог продолжаться, и Венька рывком встал в постели, судорожно сглотнув тяжелый воздух. Сон не растаял.

Невыносимый запах продолжал окружать Кулапудова со всех сторон.

– Какого черта я приперся на хату к Палену? – вслух спросил себя Венька.

Перед глазами, словно мираж, привидением возник шатающийся Антон. Венька махнул рукой, отгоняя видение.

– Ты не должен быть здесь, – пробормотал он.

Антон не исчезал, а продолжал жить в больном воображении и, как ни странно, принимал все более отчетливые контуры.

– А ты зачем попал в мясорубку для кроликов? – спросил Утконесов, озадачив и без того не вполне понимающего, в чем дело, товарища.

Венька недоуменно вскинул одну бровь и внимательнее присмотрелся к сокурснику. Да он же спит. Как лунатик ходит в этом ужасе и спит.

Что с ним сделал Паленый, черт его подери? И как, скажите, парень попал в эту компанию? Хотя никакой компании вокруг уже не было. Ну точно. Сон окончательно слетел с бледного лица Кулапудова, и он увидел, что лежит на кровати родного общежития. А откуда же запах?!

Пулей слетел Кулапудов с болезненно скрипнувшей кровати, приюхиваясь к воздуху и пытаясь определить направление доносящейся убийственной вони. Ненароком задетый Утконесов отлетел в правый дальний угол, моментально проснувшись.

– Я в канализации? – на всякий случай полюбопытствовал Антон, но никто ему не ответил.

Веньку как на крыльях несло вдоль по коридору, подгоняемого неодолимым желанием врезать тому, кто эту пытку придумал. Доносящиеся возмущенные голоса подтверждали, что курс парень взял правильный.

Густые желтоватые пары, облаком вываливающиеся из кухни, тоже что-то обозначали.

Ворвавшись на всех парах в общаковскую комнату, Кулапудов озадаченно притормозил, стараясь высмотреть хоть что-то в густых клубах.

Получалось не очень. Со временем стали различаться ребята-однокурсники, грозно окружившие черную с хоботом и в плавках фигуру.

– Что случилось? – тревожно спросил Венька, пытаясь изобразить из собственной ладони ватно-марлевою повязку, отчего голос прогудел глухо и едва слышно.

– Вот, – с благородным негодованием сказал Дирол, подтолкнув под спину фигуру в плавающих.

Качнув хоботом противогаса, Ганга сделал пару шагов и виновато остановился перед Кулапудовым, машинально почесывая набухшие волдыри под мышкой. За прошедшую ночь они еще увеличились и стали чесаться.

Появилась температура. Болезнь прогрессировала с головокружительной быстротой. Отчасти поэтому Федор решил не откладывать в долгий ящик приготовление лекарства и начать уваривать два литра до одного стакана – точно по рецепту Кулапудова – прямо сейчас. Заодно и любопытных глаз меньше будет. И все бы прошло гладко, без задоринки, если бы не странная способность аммиака обладать несусветной вонью, при нагревании увеличивающейся до невообразимых размеров. Сам-то он вышел из положения довольно просто, красуясь теперь перед друзьями в казенном противогасе, но вот остальным повезло меньше.

Из двух литров едкой жидкости оставалось только полтора, когда странно не улыбочивый Дирол вырос перед стеклами противогаса.

Ганга попробовал улыбнуться, но Санек этого не оценил, возможно, потому что просто не увидел. Дальше – хуже. На кухню стали стекаться не только друзья-однокурсники, с которыми еще можно было как-то договориться, но и парни с других курсов и факультетов. Обстановка накалялась прямо пропорционально нарастанию въедливого запаха. Единственное, что до сих пор сдерживало разъяренную толпу от рукоприкладства, – это внушительные размеры нарушителя окружающей среды. Даже парни со старших курсов угрожать угрожали, но осторожно. Ганга же виновато переводил взгляд от одного к другому и растерянно лепетал:

– Рецепт такой, ребят. Понимать надо.

То же самое он произнес взбешенному от недосыпа Кулапудову.

Венька скрипнул зубами, но сдержался, отчасти потому, что сам посоветовал на свою голову рецептик, отчасти по той же причине, по которой все сдерживали себя, – габариты большого. Однако оставлять все как есть Кулапудов не собирался. Отличаясь практичным здравым умом, парень принял единственно правильное решение и, стянув противогас с Федора, надел его на себя.

Ганга закашлялся.

– Федя, твоя болезнь осложнение дала. Ты теперь у нас больной на голову. Сколько времени?

– Без пяти четыре.

Венька застонал, но благодаря противогасу стон прозвучал, как рев раненого зверя, отчего не только Ганга, но и все вокруг вздрогнули, ожидая худшего.

– Прекращай немедленно это дело. Додумался, когда варить. Завтра все уйдут на занятия, тогда доделаешь свое пойло, – прогудел голос из противогаса.

– Так как же...

– Ничего, один раз пропустишь. Мы скажем, плохо себя чувствуешь.

Тяжело вздохнув, Федор отключил газовую горелку. Опять придется откладывать желанное выздоровление на неопределенно далекий срок.

– А сейчас, – добавил Кулапудов, – вручаю тебе это полотенце и даю ответственное задание: открыть все форточки и разгонять полотенцем ядовитое химическое вещество. – Венька буквально воткнул полотенце в безвольные Федины руки и повернулся в сторону спальни. – Всем спать. Отбой.

– Что-то случилось? – появился в дверях окончательно проснувшийся Утконесов. Он успел окончательно убедиться в том, что находится не в канализации и тем более не в камере пыток для беззащитных кроликов.

– Случилось то, что мы все идем спать, – ответил Кулапудов.
На том и порешили.

* * *

Утро встречено было без энтузиазма. Невыспавшийся состав учащихся Высшей школы милиции неодобрительно прореагировал на душераздирающий звонок, Мочиллов, как всегда с утра, был не в духе, поскольку похмелье – оно не тетка, понимать надо. Довольно-таки мягкий и справедливый человек, по утрам капитан становился «аки зверь рыкучий», мучимый головной болью и дискомфортом в желудке. Курсантов же одолевала недосып. Окончательно же настроение испортила безобидная утренняя зарядка, при помощи больного воображения Садюкина ставшая зверской пыткой для бедных курсантов.

Тренер Садюкин в это утро был в ударе. Случай с «мертвым» телом вдохновил его не на шутку. Наверное, поэтому первым упражнением, которое он приказал делать, были прыжки через «козла». Ох уж этот «козел»!.. Ребята не избегали бы его так рьяно, даже если бы он был настоящим.

Казалось бы, какую опасность может таить в себе обыкновенный снаряд совершенно непримечательного внешнего вида? Курсанты милицейской академии прекрасно знали какую. В момент совершения прыжка, когда тот или иной учащийся, разогнавшись, отталкивался от пружинного трамплина и его туловище взлетало в воздух, «козел» бессовестно строил козни. Совершенно необъяснимо, каким образом, он слегка перемещался вперед и оказывался в конечном итоге в том месте, куда прыгун планировал спикировать. Курсанты уже давно не сомневались, что снаряд был назван «козлом» неспроста.

Радостно потирая руки в предвкушении успеха, Садюкин объявил первое упражнение. Каждый курсант должен был разогнаться и, набрав потенциал на пружинном тенте, лежащем рядом с «козлом», вспрыгнуть на снаряд обеими ногами, а затем встать в полный рост.

Это издевательство было придумано Садюкиным импровизированно только что, и он был чрезвычайно доволен собой.

Первым в строю стоял курсант Зубоскалин, парень хоть и худосочный, но довольно высокий, лишь в малом – в пятнадцати сантиметрах – уступавший заболевшему Ганге. Отличавшийся высокой сообразительностью Дирол по части физической подготовки несколько проигрывал своим товарищам, отчего вспорхнуть на вредное «животное» не имел никакой возможности. Но даже если бы это и получилось, Санек вряд ли смог бы устоять на скользкой кожаной поверхности. Кстати, в этом состояло очередное издевательство Садюкина: он внимательно следил за состоянием «козла» и всегда тщательно полировал его специальным составом.

Укрощение «козла» курсантом Зубоскалиным прошло в обстановке всеобщей нервозности. Разбежавшись во всю прыть, он подпрыгнул на тенте и с нечеловеческим вскриком: «И-и-и-эх!» – опустился на пол. Стоит ли говорить, что коварный «козел» на этот раз был неподвижен и вместо того, чтобы эффектно выпрямиться на нем во весь могучий рост, Дирол оказался метра на полтора впереди снаряда.

Одна из наиболее зловерных черт тренера Садюкина состояла в том, что он не отпускал курсанта до тех пор, пока тот не выполнял требуемое как следует. Можно было лишь посочувствовать Саньку, продолжавшему сидеть на полу с самым несчастным видом. Он уже сумел прикинуть перспективы, которые сулило ему взаимодействие с непредсказуемым «козлом», и содрогался от нехорошего предчувствия. Ну не мог курсант Санек Зубоскалин выполнить упражнение в надлежащем виде! Что же ему, из-за этого из академии уходить? Весь остальной отряд с печальными лицами сочувствовал своему товарищу.

Казалось бы, Дирол неизбежно должен был впасть в отчаяние, вступая в неравный поединок с коварным «козлом», но не тут-то было. Курсант, плотно сжав зубы, раз за разом пытался

совладать со ставшим ненавистным «животным», все больше убеждая себя в мысли, что месть его будет страшна.

Вся получасовая утренняя зарядка прошла под эгидой театра одного актера, которым был Санек Зубоскалин. Зрители пасмурно на него смотрели, желая помочь, но не зная как. Преодолевая в сотый раз сложное препятствие, Дирол услышал спасительный гонг, зовущий к завтраку.

Довольный результатами своей придумки, Садюкин отпустил подопечных и трусцой, тщательно следя за пульсом и правильным дыханием, направился в столовую. Измочаленный же Дирол и совершенно не взбодрившиеся сокурсники поплелись умываться, намереваясь хотя бы так согнать с лица сонливость.

Пешкодралов по деревенской привычке шумно фыркал и плескался, заливая пол вокруг себя метра на два крупными прозрачными каплями.

Братья Утконесовы действовали слаженно, в точности повторяя движения друг друга, словно этот процесс репетировался ими годами. Кулапудов чинно чистил зубы у своей раковины. Санек посмотрел на всех уставшими глазами, отрешенно уставился на раковину, вялой рукой открыл кран и с головой залез под холодные струи.

– Да, измочалил он тебя, – глубокомысленно заметил Вениамин, отрываясь от своего занятия и внимательно следя за сокурсником.

– Так издеваться, – поддакнул Антон.

– Тебе бы на наших деревенских козлах потренироваться, – со знанием дела посоветовал Леха.

Зубоскалин взвыл белугой и, вытащив мокрую голову из-под крана, решительно направился в сторону Пешкодралова. Сказались бессонная ночь, газовая атака и чрезмерное внимание тренера Садюкина.

– Да я так, предположил только, – попытался ретироваться Леха.

– Ты уж, Лешенька, следующий раз не предполагай больше, – дружески положив ему на плечо руку, дал совет Кулапудов. – От этого всем лучше будет.

– Да ладно, – протянул Леха тоном примирительным и немного виноватым.

Диролу хотелось, конечно, отыгаться на начинавшем надоедать Пешкодралове и врезать ему пару раз хорошенько, но больше его занимала месть Садюкину, существу более вредному во всех отношениях. Проронив недовольное: «Забудем», – он вытерся вафельным полотенцем и с мрачным лицом поплелся в столовую. Рядом, как по мановению волшебной палочки, возникли и материализовались в воздухе ближайšie друзья и соратники во всех Дироловых начинаниях братья Утконесовы.

– Садюкин должен быть наказан, – начал один из них. – Предлагаю ему в суп забросить вот этот окорочок.

Антон вытянул откуда-то из рукава тощую куриную ножку, неизвестно где добытую. С первого же взгляда, брошенной на эту принадлежность балерины, можно было понять, что при жизни курица тяжело болела и влачила горькое существование впроголодь. Антон сглотнул набежавшую слюну, но не соблазнился, протянул лакомый кусок, жертвуя его ради общего дела.

Следует объяснить, что в противовес издевательствам тренера ребята вели с ним свою негласную воспитательную работу, разумеется, так, чтобы об этом никто не догадывался. Основным полем этой деятельности была тяга Садюкина к здоровому образу жизни. Курсанты мастерски мстили ему за те зверства, которые он заставлял их выполнять на занятиях под видом физических упражнений. Помешанный на правильном рационе, Садюкин ни под каким соусом не принимал животные жиры, справедливо предполагая, что вегетарианство и душевное спокойствие – лучший путь к долголетию.

– А у меня еще колбаса для бутерброда есть, – поддержал парня брат.

Курсанты вошли в столовую и огляделись: Фрол Петрович сидел на своем, специально отведенном месте у окна, за которым открывался прекраснейший вид на беговую дорожку, и уминал специально приготовленное тетей Клавой картофельное пюре без соли с морковной котлеткой. На его лице нарисовано было упоение пищей и неземное блаженство не столько из-за того, что повариха сегодня расстаралась и приготовила отменный завтрак. Отменной эту заячью еду вряд ли можно было назвать. Просто Садюкин прочитал в каком-то журнале, что пища лучше усваивается организмом, если поедать ее с добрыми чувствами и с улыбкой на устах. Взяв это на заметку, тренер теперь появлялся в столовой не иначе, как глупо растянув рот от уха до уха. От этого у новеньких курсантов, не знакомых еще с особенностями учебного заведения, в которое они поступили, порою возникали сомнения в умственной нормальности одного из преподавателей, в остальном же казусов никаких не происходило, не считая тех, что возникали не без доброго участия уже известной нам тройцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.